ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ГИ200
К835

Красный Октябрь

ИЗДАНИЕ Г. Ф. МИРИМАНОВА
1927

КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ

В ВОСПОМИНАНИЯХ И РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА И ЮНОШЕСТВА

ГИ200
К835 р

СОСТАВИЛ
А. ЛАВРЕНТЬЕВ

ИЗДАНИЕ Г. Ф. МИРИМАНОВА
1927

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Москва,
Пречистенский бульвар, д. 7.
Телефон 3-33-04.

ГИ200
К835 р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1063748

Главлит № 87183. Тираж 15000. Объем 7¾ л.
Гос. тип. им. Ивана Федорова. Ленинград, Звенигородская, 11.

Первые вести о Февральской революции на фронте

I

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Из писем с фронта

(После Февральской революции)

Эти письма солдат были получены военной организацией большевиков.

„Товарищи социал-демократы, мы, солдаты 673 пехотного Прилуцкого полка, 8 роты, просим у вас программу; пожалуйста пришлите, потому что мы здесь сидим в окопах, и между нами происходят споры. И мы не знаем, к какой партии примкнуть, потому что много ораторов, и высказываются за различные партии. Мы и просим вас не оставить нашей просьбы. Пришлите нам программу свою, за которую мы должны голосовать".

„Товарищи,—пишут из 67 Старо-Русского Тарутинского полка,—мы вас просим, солдаты 17-й дивизии, прислать ваши газеты, которые нас сильно заинтересовали, и в которых мы хорошо поняли, что в них печатается коренная правда. А проклятая буржуазия не допускает на фронт ваши справедливые газеты".

Письмо кубанского казака: „Долго и долго мои товарищи думали, что большевики—это не борцы, а какие-то разбойники и негодяи, но теперь многие казаки поняли и прямо говорят, что самые верные борцы есть наши товарищи—только партия С.-Д., фракция большевиков.

Ну, будьте живы, здоровы, товарищи, боритесь смело и стойко за правое дело, я верю, что еще впереди предстоит трудная работа".

„Хватаемся за слово мир, как умирающий с голоду за крошку хлеба,—пишут из 167 пехотного Острожского полка,—нам опротивело валяться в берлогах, нас едят вши, мы изнемогаем... нам хочется жить.

„Товарищи, скажите нам более точно, определенно, что нам делать".

... „У нас есть ваша газета от 15 мая 1917 г., и больше нигде не видим ваших газет. Неужель вас на свете не стало, без вас мы жить дольше не можем. Всюду окружают нас и ненавидят наши наставники и вожди, от них мы только и слышим одно: война до конца, до победного конца...

„Кого мы будем убивать,—мы думаем так: своих же братьев-рабочих, у которых тоже должны остаться горькими и несчастными сиротами дети и жены.

„Товарищи, дело в вас, и на вас смотрит вся армия".

„Уверен, что в сентябре месяце ни одного солдата на фронте не будет, и если не свергнем правительства настоящего и не примем более решительные меры к миру, то все пойдет на смарку и погибнет наша дорогая свобода. Просим, товарищи, вас—работайте для заключения

мира, иначе мы все погибли. Насколько можно, мы вам поможем, и просим как можно скорее уволить правительство буржуазное и главное Керенского, он только делает брожение умов и жаждет крови. Долой кровь!"

На фронте

Это было на фронте, когда дошли до солдат вести о Февральской революции.

Распустили над окопами красный флаг, а время идет своим чередом. Вот и лето прошло. Валяются солдаты,

Домой

как медведи, по землянкам; укатывают глиняные нары. И все так же кругом грязь и кишат насекомые. Все так же солдаты терпят голод и холод.

Развелись кругом комитеты.

Даже в офицерской палатке — комитет. Раньше, бывало, до этой палатки за три сажени солдат вытянется: „Разрешите войти?" А теперь и с офицером за руку.

— Как там дела? — спрашивают солдаты офицеров.

— Ждите, братцы. Газеты пишут, скоро немец миру запросит.

— Три года газеты сулят, а на деле — ничего.

— Надо помнить долг службы.

— Больно долог он, конца не видно.

— Надо потерпеть. Россия—наша мать.

А солдаты в ответ:

— Эх, хорошо бы домой!

А те в один голос:

— Надо хранить честь русского оружия.

Солдаты в ответ:

— Домой!

Те опять:

— Надо биться до победного конца.

А эти в упор:

— Домой! домой! домой!

— А как же присягу давали?

— Кому присягу? Буржуям! Помещику! Нет, нас дела зовут домой.

Так и катилось по всему фронту:

— Домой! домой! домой!

Братание на фронте

Жили солдаты на турецком фронте после февральских вестей о свободе не один месяц, а конца своему мученью не видели.

От скуки в гости к туркам лазили и к себе их таскали. Щами кормили. Чумазые турки, ровно в бане век не мылись. Табаку припрут, сыру козьего. Сидят на траве, курят и руками с русскими разговаривают.

— Кардаш, домой хочется? — спросит русский.

— Чок, истер чок! — зубы те оскалят: значит, больно хочется.

— Чего ж сидим, друг дружку караулим? Расходиться пора. Наш царь спрыгнул с трона, и вы своего султана толкайте.

Те залопочут, глаза защурят, а русские понимают: и им, туркам, война надоела.

— Яман, офицер?

— У, чок яман.

— Собака юзбаши! Смеют от солдата свободу прятать в кошельке.

Запели турки песню.

— Ничего, хорошая песня, — сказал солдат. — А в пляске, я думаю, за русским солдатом ни одно государство не угонится.

Вышел солдат, подтянул штаны, сбил шапку на ухо:

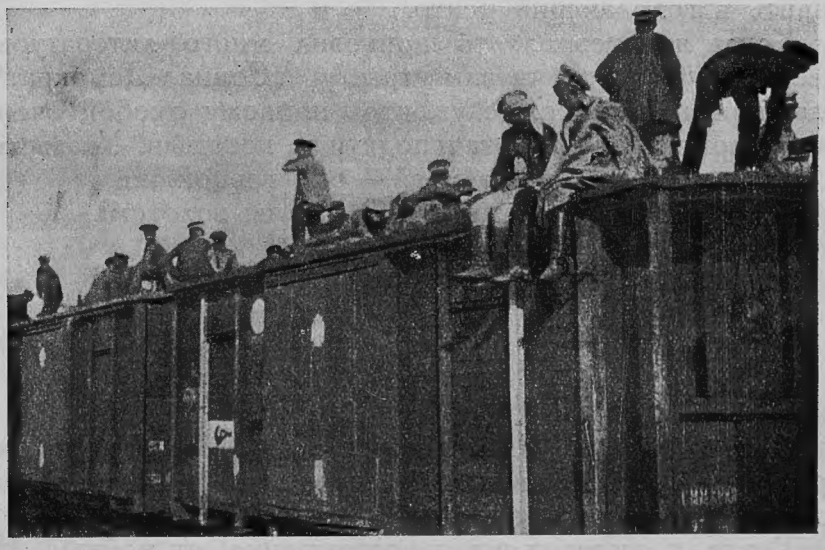
— Эй, ходу дай!

Ударили балалайки враз.

Затопал солдат, заплясал, а сам подкрикивает:

— Эх, эх, земля стонет — рыдает!.. Эх, сердце кличет родную дальнюю сторонушку!

А турки головой в такт качают и в ладоши бьют.



С фронта

В деревне

(Рассказ солдата)

За время Февральской революции я два раза ездил из полка к себе на родину в село Никольское, Орловской

губернии. Ячейка эс-эров была там с первых же дней Февральской революции, она старалась удержать крестьян от захвата земли. Во многих местах мужики попрежнему платили помещику арендную плату. Как только я приехал в деревню, я сейчас же устроил большевистскую ячейку. В нее вошли главным образом солдаты, батраки и малоземельные.

Пропаганда нашей ячейки быстро распространялась. Немедленно взяли на учет всю луговую площадь помещичьей земли, поделили между деревнями поровну и скосили.

Эс-эры, сидевшие в волостном комитете, кричали о незаконности наших действий, но от своей доли сена не отказывались. Скосив барское сено, мужики взялись за пар и стали делить землю под озимое. Наша ячейка постановила осмотреть помещичьи амбары, взять хлеб и отправить в голодающий центр.

Когда я приезжал, то привозил много литературы. Крестьяне охотно читали газету „Социал-Демократ". Кулаки распространяли слух, что я привожу с собой очень много германского золота и подкупаю крестьян. Указывая на мои сундуки с литературой — они говорили:

— Еле ведь тащит, наверно, полны золотом!..

Деревня

(Из книги американца А. Вильямса)

Летом 1917 года я колесил по России вдоль и поперек. Тяжелым бременем, лежавшим на плечах народа, была война, „проклятая война!"

Везде я видел вред и разрушение от войны. На Украине я проезжал по тем раздольным степям, которые заставили Гоголя воскликнуть: „Степи! как вы хороши!" Мы остановились в небольшой деревне, окруженной холмами, и около трехсот женщин, около сорока стариков и детей и до двадцати солдат окружили нашу земскую телегу. Поздоровавшись с ними, я спросил: „Кто из вас слышал когда-либо о Вашингтоне?" Один парень поднял

руку. „А кто слыхал о Линкольне?“ Поднялись три руки. „О Керенском?“. Около девяносто. „О Ленине?“. Снова девяносто. „О Толстом?“. Полтораста рук.

Это забавляло их, и они смеялись над моим плохим произношением. Но затем я необдуманно спросил их: „Кто из вас потерял кого-нибудь на войне?“ Почти каждая рука поднялась, и рыдания пронеслись по смеявшейся до того толпе. Какой-то парень вышел из толпы, крича: „Мой брат! Убили моего брата!“. И женщины, поднеся платок к глазам, горько плакали. И я поразился, откуда берется столько слез. Кто бы мог подумать, что за этими спокойными лицами скрывалось столько горя!

Приезд из-за границы В. И. Ленина

(Из воспоминаний Г. Зиновьева).

Торнео. Помнится, это было ночью. Переезд по замерзшему заливу на санях. Длинная узенькая лента саней. На каждых из этих саночек по два человека. Сейчас мы увидим первых революционных русских солдат. В. И. внешне спокоен. Его прежде всего интересует то, что делается там, — в далеком Петербурге. По приказанию властей, группа солдат сопровождает нас до столицы. Сели в вагон. В. И. впился в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России.

Беседа идет всю ночь напролет.

В Белоострове власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров, исполняющий должность коменданта Белоострова, даже „рапортует“ Владимиру Ильичу. В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. В тесном полутемном купэ третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнений. В. И. забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Петрограде?

Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге, на одной из станций, ближайших к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют В. И. с той сердечностью,

с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую короткую приветственную речь.

Памятник В. И. Ленину в Ленинграде, близ Финляндского вокзала

... Перрон Финляндского вокзала в Петрограде. Уже ночь. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. В. И-ча ждет не арест, а триумф.

Вокзал и прилегающая улица залиты огнями прожекторов.

На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя.

Гремит „Интернационал".

Вот нахлынула могучая человеческая волна. Мы — щепочки в этой волне. Владимира Ильича подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу, объезжает густые ряды рабочих и солдат, воодушевлению которых нет границ.

Он произносит коротенькие речи. Через час мы все во дворце Кшесинской, где собралась почти вся большевистская партия.

Ленин вернулся из-за границы 3 апреля 1917 г. (по нов. стилю — 16-го) С ним прибыло 32 эмигранта, среди которых было 19 большевиков.

Из открытого письма В. И. Ленина к крестьянам

(В мае 1917 года

Вся земля должна принадлежать народу. Все помещичьи земли должны без выкупа отойти к крестьянам. Спор идет о том, следует ли крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не дожидаясь Учредительного Собрания.

Наша партия думает, что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, но никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия, чтобы производство хлеба и мяса увеличилось, ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно.

Ждать Учредительного Собрания недопустимо.

Чтобы вся земля досталась трудящимся, для этого необходим тесный союз городских рабочих с беднейшими крестьянами. Без такого союза нельзя победить капиталистов. А если не победить их, то никакой переход земли в руки народа не избавит от народной нищеты. Землю есть нельзя, а без денег, без капитала достать орудия, скот, семена неоткуда.

Второй вопрос о войне.

Война эта — захватная. Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих целей. Трудящемуся народу эта война ни в коем случае ничего, кроме гибели, ужасов, одичания, не несет и принести не может. Поэтому наша партия,— партия сознательных рабочих, партия беднейших крестьян,— решительно осуждает эту войну.

Надо скорее кончать эту преступную войну всеобщим миром, и не миром капиталистов, а миром трудящихся масс против капиталистов.

Россия должна быть демократической республикой.

Мы хотим такой республики, чтобы вся власть в государстве, снизу-доверху, принадлежала Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и прочих Депутатов.

Матрос Дыбенко у Ленина

Проезжая в июне через Петроград, мимоходом заглянул я во дворец Кшесинской. Интересно было побывать в апартаментах, ныне занятых большевиками, наводившими панику на весь Петроград. Кроме того, хотелось повидать и самого Ленина. Я был его поклонником, только не видел его никогда.

Наружный вид дворца великолепен, манит уставшего путника. Захожу в дом. В здании, как видно, только еще несколько дней назад революция произошла, и мебель будто от волнения вся стоит не на своих местах.

Пробираюсь из комнаты в комнату, спрашиваю: можно ли Ленина видеть?

— А вы кто такой?

— Я председатель Центробалта [1]).

Из соседней комнаты выходит человек средних лет, среднего роста, с улыбкой на лице; внимательные с усмешкой глаза.

Это — Ленин.

Подхожу к нему.

— Разрешите получить от вас указания для нашей

---

[1]) Центробалт — Центральный Комитет Балтийского флота

работы, а то много ходит слухов о готовящемся вооруженном выступлении.

Говорю, кто я. От Ленина узнал, что никакого выступления не готовится, а предполагается только демонстрация.

Временное правительство отправляет на фронт ударные батальоны

— Следите сами, — сказал Ленин. — Смотрите, не набедокурьте, а то я слышал, что вы там с правительством не ладите. Не торопитесь.

— Ничего, Владимир Ильич, мы люди скромные и вперед батьки в пекло не полезем.

Демонстрация

(В июне 1917 г.)

Прогудел протяжный и заунывный заводский гудок. Зашумели и задвигались приводные ремни, завертелись шкивы, но... рабочие не принимались за работу.

— Товарищи! на собрание, — быстро прошмыгнул рабочий и скрылся за поворотом мастерской.

Все заволновалось, загудело. Слесарь кладет обратно в ящик вынутый напильник. Калибровщица прячет приборы, щеточник скидает засаленную в масле и загрязненную блузу. Все стремятся на задний двор, где должно собраться общее собрание рабочих.

Представители из Совета уже на трибуне. Их окружает шеститысячная масса рабочих и работниц.

На стоящую бочку карабкается т. Александров.

— Товарищи! Разве мы для того делали революцию, чтобы отдать свои завоевания буржуазии? Нет! Наше правительство ведет страну опять к войне. Мы боремся против захватов нашей буржуазии, а что говорят наши министры-капиталисты? Товарищи! Мы сегодня должны покинуть завод и со знаменами выйти на улицу и потребовать смещения буржуазного правительства. Довольно той крови, которая лилась рекой за золотой сундук капиталистов. Долой министров-капиталистов! Да здравствует Советская власть!

Над головами рабочих развевается красное знамя с лозунгом: „Война войне!“ Все притихли, но это было только одно мгновение, а потом вдруг... громовое ура покрыло шум даже соседнего завода. Шеститысячная масса двинулась с пением: „Вставай, поднимайся, рабочий народ!..“ к выходным дверям.

Вся власть Советам

(В Петрограде 18 июня 1917 г. [1])

С утра до вечера движутся толпы к Марсову полю, где могилы павших в Феврале. Наклоняются знамена и трубы громыхают: „Вы жертвою пали“.

Гул шагов, гул от возгласов; вздохи медных труб. Идут, и идут. А на красных полотнищах реют надписи:

— Хлеба, мира, свободы!

— Вооружение всего народа!

— Вся власть Советам!

Вот большой плакат покачивается над головами.

---

[1]) По новому стилю—1 июля

Демонстрация в Петрограде 18 июня 1917 г.

На плакате русский солдат протягивает руку немецкому; под изображением яркие слова:

— Товарищ, поторопись!

Это русские призывают немцев свергнуть кайзера (немецкого короля).

А вот рабочие несут знамя, еще сохранившееся от 1905 года. „Да,— говорят кругом суровые люди,— это наше знамя видало виды. Мы пронесли его мимо царских нагаек, мимо царских штыков... И оно увидит еще лучшие времена".

Около Марсова поля на высоких столбах спущены над толпою три красных флага. На среднем надпись:

— Доверие Временному Правительству!

Сначала толпа мирно шла мимо, только насмешки и улыбки отвечали на это „доверие". Но вот солдаты остановились. Кто-то крикнул:

— Товарищи рабочие! Кто вывесил этот флаг?

— А ведь и в самом деле, кто?

Все подняли головы и прочли:

— Доверие Временному Правительству.

— Долой! долой! долой! — раскатилось гулко по площади.—Долой министров-капиталистов!

И от этого крика будто колыхнулись кругом знамена.

— Почему нет подписи?—звонко выкрикнул высокий солдат.—Чей флаг?

— Казенный, — отвечали кругом.— Сами вывесили. Сами себе доверяют, больше ни от кого не ждут.

Петроград в июле

(Из книги американца А. Вильямса)

Кто забудет Петроград, каким он был в день 1 июля? [1]) Солдаты в темном и оливковом, флотские матросы в белом, заводские рабочие в черных блузах,— все двигалось волнами по главным улицам города. На каждом участнике процессии флажок, цветок, красная лента; красные платки на головах женщин. Сверкают и развеваются тысячи красных знамен.

[1]) 1 июля—по старому стилю 18 июня

Людская река текла и пела.

Но день 1 июля был лишь предостережением против грядущей бури. И 16 июля [1]) буря разыгралась. Сначала появились длинные вереницы пожилых солдат из крестьян с плакатами: „Отпустите 40-летних домой, жать хлеб". Тогда казармы и заводы извергли потоки вооруженных людей, устремившихся к Таврическому дворцу и в течение двух ночей и одного дня кричавших у его ворот. Бронированные автомобили с завывающими гудками и с красными флагами мчались взад и вперед по улицам. Грузовики, битком набитые солдатами, с торчащими во все стороны штыками носились туда и сюда.

С черным знаменем шла толпа с портным во главе. На нем был отпечаток изнурительного труда: постоянное корпенье над иглою сделало его малорослым. Теперь вместо иглы он вооружился ружьем.

Я спросил его:—„Какие ваши требования?"

— Наши политические требования... — замялся портной.

— Послать в преисподнюю капиталистов,—вмешался дюжий матрос.—А другое наше политическое требование—послать к чорту войну и весь их проклятый кабинет!

В переулке стоял автомобиль, и дула двух пулеметов высовывались из его окна. В ответ на наш вопрос шофер указал на знамя и прочел: „Долой капиталистических министров!"

— Нам надоело умолять их не морить голодом и не убивать народ, — объяснил он.—Когда мы говорим, они не хотят слушать. Но подождите, пока не заговорят эти две собачки.—Он нежно похлопал по пулемету.—Небось, тогда послушают.

В тесной толпе у Таврического дворца был произведен провокаторский выстрел. За этим выстрелом последовала сотня других, со всех сторон загремели выстрелы,—стреляли в упор друг в друга. Толпа с воплями шарахнулась к колоннам, отхлынула назад, и люди

[1]) 16 июля—по старому стилю 3 июля

1063748
БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

плашмя попадали на землю. Когда огонь прекратился, шестьдесят человек уже не могли более подняться.

Ряд мирных демонстраций в июне закончился 3 июля (по нов. стилю — 16-го) столкновением с войсками Временного Правительства. С этого времени правительство принимает ряд жестоких мер к подавлению недовольства среди солдат и рабочих.

Первая попытка взять власть

(Из воспоминаний рабочего)

18 июня показало, что скоро будет взрыв. Так подошел день 3 июля. Я жил тогда около Нарвских ворот вместе с путиловцами. Прихожу в 6 часов вечера домой, товарищи говорят: „Мы сегодня бросили работать, будем выступать на улицу". Я указывал, что не время, мы проиграем, рано, мы не готовы. Направились вместе на митинг на Путиловский завод. Двор завода был полон рабочими. Все кипело от недовольства и злобы. Требовали кончить митинг, и всем с оружием в руках итти на улицу к Совету с лозунгами: „Долой правительство, вся власть Советам!" Выступавшие наши товарищи просили сегодня не выступать, указывая, что в Таврическом дворце заседает рабочая секция, которая и вырешит вопрос, что делать, а сегодня надо разойтись по домам. Не тут-то было. И с большим трудом удалось уговорить, выступать так, без оружия,—мирной демонстрацией протеста. Наконец, рабочие согласились, и в 10 часов вечера многотысячная армия рабочих вышла за ворота, имея во главе небольшой отряд Красной гвардии с винтовками. У Нарвских ворот наша партия устроила митинг, призывая вернуться обратно, не ходить в город. Но удержать многотысячную армию рабочих было немыслимо,—никто о возвращении и слушать не хотел. Шествие тронулось в город, по пути к ним примыкали отдельные группы рабочих. Мы благополучно дошли до Таврического дворца, где были вызваны тт. Ленин, Луначарский и др. Выступившие товарищи просили итти на завод. Только в 5 — 6 часов утра начали мы расходиться по домам.

3-го июля 1917 г. (по ст. стилю) в Петрограде на углу Невского и Садовой

Прихожу в 8 часов утра, смотрю—рабочие не работают. Заявляют: „Мы работать не будем. Путиловцы вчера кончили". Взяли знамена, чтобы выйти на улицу. Я стал разъяснять, что путиловцы сегодня должны работать, а если понадобится—будет дан общий сигнал. Был устроен митинг. Выступавший т. Пахомов говорил, что наша партия не зовет к выступлению, и выступать не следует. После этого разошлись по работам, но в 10 ч. влетает несколько рабочих в заводский комитет за знаменами. Говорят, что кронштадские моряки приехали. „На улицу!"

Мы тронулись с Покровской площади, за нами „Треугольник". Дошли до Сенной. Тут с колокольни нас стал поливать пулемет. „Эх, пошли без оружия—не знали, что в нас будут стрелять!"

Отряд красногвардейцев заставил замолчать пулемет.

На Невском опять началась стрельба. На Литейном из подвала вытащили пулемет и офицера, который тут же был убит.

Так дошли до Таврического дворца.

Но все же у нас в то время мало было силы. Наше выступление пока не кончилось ничем.

„Селянский министр"

Кронштадские матросы приплыли в барках отрядом в восемь тысяч человек. Двое из их числа были убиты по дороге. Это была не праздничная прогулка, и у них не было намерения лишь поглазеть на стены дворца, наполнив двор шумом болтовни, а затем повернуться и уйти домой.

К ним вышел Чернов, министр земледелия. Он пользовался в качестве трибуны крышею кареты.

— Я пришел сказать вам, что три буржуазных министра вышли в отставку. Теперь мы глядим на будущее с большой надеждой. У нас есть законы, которые дают землю крестьянам.

— Ладно,—кричали слушатели,—но вступают ли эти законы немедленно в силу?

— Скоро. Во всяком случае в возможно более близком будущем,—ответил министр.

— Скоро! Знаем мы это „скоро“!—кричали матросы.— Нет! нет! мы хотим этого теперь же. Вся земля крестьянам теперь же. Чем же вы были заняты все эти недели?

— Я не отвечаю перед вами за мои поступки,— крикнул Чернов очень гневным тоном.—Не вы назначили меня министром. Меня назначил Крестьянский Совет. Ему одному я дам ответ.

Столь грубый прием вызвал со стороны матросов бурю насмешек. Раздались крики: „Арестовать Чернова! Арестовать его!“

Дюжина рук схватила под-мышки и стащила Чернова. Другие потянули его обратно. В пылу борьбы, друзья и враги порвали на нем пиджак, и министр был отброшен в сторону. Подоспевший Троцкий помог его освобождению.

Это было 4 июля (по новому стилю—17-го)

Разгул охранителей Временного правительства

(Из воспоминаний рабочего)

7 июля мы были арестованы на улице конвоем юнкеров. Нас повели в штаб округа. Когда мы подошли к штабу, другой конвой провел около 10 арестованных, которые все были избиты; по лицу каждого из них струилась кровь,—у кого из ушей, у кого из носа.

Нас посадили в камеру, где уже сидела делегация матросов Балтийского флота.

Вечером перевели в подвал.

В 5 часов утра в подвал привели к нам еще 5 рабочих. Юнкера и казаки тут же начали избивать их прикладами, говоря: „Вот вам большевизм, вот вам земля вот вам воля!“

Мы пробыли там две ночи. И все время от нас уводили арестованных неизвестно куда.

Что теперь делать?

(Из воспоминаний В. Бонч-Бруевича)

Районы Петрограда и окрестностей все валили и валили к Смольному, и бодрые смелые лица всюду оживляли полузаснувший институт. Чувствовалось, что сюда вошла Революция, что здесь творится новая жизнь, что тут никакие слова успокоения не могут подействовать на эти боевые массы. Дни колебания и некоторой растерянности, шедшие за июльским выступлением, быстро миновали.

— Что теперь делать? — помню кто-то спросил В. И. Ленина на хорах Смольного, где должны были собраться некоторые большевики в первый день после июльского выступления, когда ясно было видно, что правительственные партии одержат верх над рабочими и солдатами.

— Вооруженное восстание!—Другого выхода нет.

— Когда?

— Это покажут ближайшие события.

В июле этот ясный вывод далеко не всем большевикам казался неизбежным. Еще у многих теплилась надежда на какое-то мирное житие, на возможность обойтись без прямого вооруженного выступления.

И когда через день кто-то опять переспросил у Вл. Ил. о том же, он определенно ответил:

— Вооруженное восстание совершенно неизбежно. Еще некоторое время, и оно будет обязательно,—оно не может не быть.

Июльские дни

(Из статьи А. В. Луначарского)

Коммунистическая партия сопротивлялась июльскому выступлению, оно было навязано рабочему центру настроением масс. Какой лозунг мог быть поставлен на знаменах демонстрантов 3 июля? Этот лозунг звучал все время на всех митингах: вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов.

В течение почти всего июля Таврический дворец был в руках большевистски-настроенных масс.

Помню, какое особенное впечатление произвело выступление рабочей делегации в самом заседании Центрального Исполнительного Комитета. Для нас, людей, стоявших очень близко к рабочему движению, большинство лиц, выдвинутых рабочим миром из самых недр своих, было все-таки ново... Я помню какого-то старика, если не ошибаюсь, с Путиловского завода, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, в очках, совершенно седого, уже согнутого годами, который мрачным басом, раздававшимся во всех углах зала, говорил свою грозную речь. Я помню молодого рабочего в блузе, лет, вероятно, 17-ти, который хотел говорить с кафедры непременно с винтовкой в руках и едва уступил, наконец, увещаниям Чхеидзе отставить в сторону оружие.

Тов. Троцкий, с которым я сидел рядом, указал мне рукой наверх зала, где на достаточной-таки высоте сидели на каких-то карнизах, свесив ноги вниз и жадно прислушиваясь, пролетарские юноши. Толпа, окружавшая дворец, была крайне неспокойна. Коммунистам приходилось сдерживать народную ярость.

Июльская волна не остановилась, она стала повышаться.

Мы вышли из тюрьмы, куда посадил нас режим Керенского. И еще накануне, перед парламентом, мы твердо решили и ясно установили: приблизительно в 20 числах октября мы попросим правительство Керенского убраться, а если оно не уберется, то выгоним его вон.— И мы сделали это.

В. И. Ленин скрывается

После июльских дней, когда была поднята бешеная и жестокая травля против В. И. Ленина и Г. Зиновьева, им тогда пришлось покинуть свои квартиры и искать безопасного убежища. Была предложена моя квартира.

В то время, когда весь вражеский лагерь злобно бесновался, а агенты его рыскали по всему Питеру и его

окрестностям, разыскивая Ильича, — Ильич в эти дни, с утра 6 июля по 11 июля, находился у меня в Питере, в моей квартире,—в маленькой, в одно окно, комнатке, выходящей на соседний двор, и спокойно обдумывал план действий дальнейшей борьбы с противником.

В. И. спокойно смотрел на будущее и уверенно говорил, что мы не разбиты, а лишь потерпели временно неудачу.

Как скрывался Ленин

(Июль — октябрь 1917 года)

I

В июле 1917 года в Питере [1]) я получил приказ ЦК партии переправить т. Ленина в безопасное место. Уже смеркалось, когда я приехал в Сестрорецк. Далеко от станции, на одной из глухих улиц, среди дач, разыскал я указанный мне домик товарища Емельянова, — сестрорецкого рабочего. Это был одноэтажный, в три окна на улицу, домишко. Войдя туда, сообщив хозяйке пароль и спросив „Константина Петровича“ (так назывался по паспорту т. Ленин), я присел и огляделся. Домик состоял из двух комнат и был битком набит ребятишками.

Из беседы выяснилось, что Владимира Ильича нет: его пришлось переселить в лес, так как тут шпионы шныряют кругом. Хозяйка позвала своего сынишку и предложила ему проводить меня на место. Несмотря на поздний час (было около 11 часов вечера), мальчик, лет 12, с удовольствием согласился. Пройдя закоулками до берега Залива [2]), мы спустили на воду лодку; я сел за весла, а мальчик на руль, и мы поплыли среди зарослей, при лунном свете, к месту жительства т. Ленина. Около получаса мы плыли по Заливу и потом шли болотным кустарником, пока не увидали стог сена на прогалине.

Мальчик дал сигнал, и к нам вышли два человека. Было уже темно, и только слабый свет луны освещал

---

[1]) Теперь—Ленинграде

[2]) Залив — название озера

Сарай и сеновал в с. Разливе, где скрывался Ленин до переезда в шалаш

закутанные в зимние пальто фигуры; в них я едва узнал Владимира Ильича и Зиновьева. Мы уселись у стога сена, и меня засыпали вопросами.

Спать легли мы в стоге, где устроено было нечто в роде спальни. Несмотря на зимнее пальто, которым меня укрывали, я долго не мог заснуть от холода.

После этого я в продолжение двух с лишним недель приезжал из Питера через день-два, привозил им провизию и газеты.

II

Наконец, было принято решение переехать в Финляндию. Самое трудное было переправиться через границу, которая в то время охранялась необычайно тщательно. Малейшая неосторожность тогда могла привести к аресту Ленина, — а арест в то время для т. Ленина мог закончиться его убийством.

Мы решили перейти Финляндскую границу пешком, под видом рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на Финляндской земле, и для них существовали упрощенные паспорта для перехода границы). Паспорта такие были получены; нужно было только переменить на них фотографические карточки; т. Ленин в парике, без усов и бороды, был почти неузнаваем.

Но прежде, чем переправиться, решено было проверить, насколько тщательно осматривают пограничники документы. Проверить поручено было мне лично. Перейдя пешком в нескольких местах границу, я убедился, что этот способ не надежен, так как при каждом переходе пограничники очень внимательно просматривали документы и сличали физиономию с фотографической карточкой. Этот способ перехода был отклонен, и мы составили другой план: Ленин поедет в Финляндию на паровозе, в качестве кочегара, а Зиновьев останется в Петрограде. Из болота было решено сначала перебраться на квартиру, там переночевать и уже оттуда пойти вечером на Удельную, где т. Ленин сядет на паровоз, а мы с т. Рахья в этом же поезде будем сопровождать его до станции Териоки, где в нескольких верстах от станции приготовлена надежная квартира.

III

Наконец, вещи уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а мы, пятеро, побрели вдоль Залива, сквозь кустарники, к Финляндской ж. д. Итти нужно было верст 10 — 12. Уже смеркалось. Шли гуськом, молча; рабочий т. Емельянов впереди, как знающий дорогу. Вышли на проселок, стало веселей; дорога пошла хорошая;

Рабочий Емельянов, с сыном, перевозившим Ленина в лодке

навстречу — ни души. Свернули с дороги на тропинку. В одном месте, из-за темноты потеряли тропинку, наткнулись на речку, которую перешли в брод, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, набрели на тропинку, которая и вывела нас с пожарища. Видим:—окончательно заблудились.

Наконец, где-то прогудел паровозный гудок. У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер

пойдет в 1 ч. 30 мин. ночи. Оставалось ждать минут 15. В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав т. Рахья на станцию проверить, на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из 10 до зубов вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил тт. Ленину, Зиновьеву и Рахья уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к т. Емельянову с вопросом, что он тут делает, и предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетая, повидимому, не возбудила в юнкере подозрений, так как он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли я поезда, идущего в Петроград, на что я ему тоже очень вежливо ответил утвердительно. Затем он молодцевато звякнув шпорами, повернулся и повел с собой повесившего нос Емельянова. Не успел я очухаться, как подошел поезд. Как же мне быть,—думал я, и решил остаться, чтобы завтра, проведя остаток ночи и дня в лесу, увести Ленина и Зиновьева в Удельную. Только я успел притти к этому решению, как передо мной появился человек с винтовкой, но на этот раз в форме ученика реального училища, и вежливо, но настойчиво докладывает: „Это — последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?“ Мне ничего больше не оставалось делать, как подняться на площадку вагона, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен,—ошеломлен до того, что выскочил из поезда не на ст. Удельная, а на ст. Озерки, т.-е. не доезжая 6 верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. Было уже около трех часов утра, когда я пришел в Удельную на квартиру. Когда я вошел в комнату, я не верил своим глазам: на полу лежали и, глядя на мою растерявшуюся фигуру, хохотали: Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова и как меня реалист чуть не штыком подсаживал

в вагон. Вместе со мной в поезд сели и они, и так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до ст. Удельная.

IV

В тот же день, вечером, мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем у перрона прихода поезда. Наконец, подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста. Жмем Ильичу руку, и направляемся к паровозу. Ильич в парике, бритый, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, берет полено, бросает в топку. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с т. Рахья выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом. Поезд подходит к Белоострову, предстоит 20-минутная остановка и тщательная проверка документов, а может быть, и обыск. Едва поезд остановился, находчивый машинист отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту, за станцию, набирать воды. Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через 15 мы почти в полной безопасности на Финляндской территории. Мы радостно жмем руку Ильичу. У станции Териоки приготовлены лошади, а в четырнадцати верстах—новая квартира Ильича.

Поход Корнилова на Петроград

Генерал Корнилов ввел смертную казнь в армии. А 9 сентября он выпустил прокламацию, гласившую: „Наша великая страна погибает. Под давлением численного превосходства большевиков в Совете, правительство Керенского действует в полном согласии с германским генеральным штабом. Пусть все, кто верит в бога и церковь, просят господа явить чудо спасения нашей родины".

Он увел с фронта часть войска в 70.000 человек, вооруженных пиками. Многие из них были магометане,— его лейб-гвардия из туркмен, его татарская кавалерия и кавказские горцы. С аэропланами, с бронированными автомобилями и с „дикой дивизиею" он двинулся на Петроград.

Но он не взял Петрограда.

Во имя Советов и революции массы поднялись, как один человек, на защиту столицы. Корнилов был объявлен изменником, стоящим вне закона. Были открыты арсеналы, и ружья были розданы на руки рабочим. Красногвардейцы охраняли улицы, были вырыты окопы и поспешно воздвигнуты баррикады.

Силы Корнилова растаяли, и „диктатор" был захвачен без единого выстрела.

Что писала буржуазия в своих газетах в сентябре

„Несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, большевики храбры лишь на словах. Взять „всю власть" они не попытались бы по собственному побуждению. Они по существу трусы, сознающие свое невежество.

Так же хорошо, как и все мы, они понимают, что первый день их окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения. Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, было бы вручение его вождям судеб страны.

К счастью, сами эти печальные герои дня отнюдь не стремятся на самом деле к захвату всей полноты власти. Им недоступна созидательная работа".

Что писал Ленин в сентябре 1917 г.

„Политическая партия вообще—а партия передового класса в особенности—не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нулем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть.

Мы не должны давать запугать себя криками запуганных буржуа. Мы должны твердо помнить, что вполне разрешимые задачи немедленных шагов к социализму разрешит только диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства.

Письмо В. И. Ленина 10 октября 1917 г. из Финляндии к товарищам Петрограда и Москвы о необходимости действовать: „Партия должна поставить на очередь вооруженное восстание". (Снимок уменьшен).

Победа и прочная победа, более чем когда-либо, обеспечена теперь пролетариату в России, если он возьмет власть".

Петроград в Октябре

(Из книги американца Джона Рида)

Все эти дни Петроград представлял собою любопытную картину. На фабриках комитетские комнаты были заполнены ружьями. Посланцы приходили и уходили. Красная гвардия обучалась. Во всех казармах велись каждую ночь и весь день бесконечные споры. На улицах толпа сгущалась к вечеру, двигаясь взад и вперед по Невскому медлительной волной.

В казармах, на фабриках, на углах улиц ораторы-солдаты заявляли, что, если правительство ничего не предпримет для обеспечения мира, армия покинет окопы и разойдется по домам.

Однажды мы отправились на митинг к Обуховскому заводу.

Собрание состоялось во дворе между мрачными кирпичными стенами огромного закопченного здания, при чем 10.000 мужчин и женщин сбились вокруг временного помоста, задрапированного в красное. Сидя на грудах бревен и кирпичей, повиснув высоко на железных брусьях, все слушали с напряженным вниманием.

Митинг

(Из воспоминаний П. Е. Дыбенко)

Ни одна страна, вероятно, не знала такого обильного урожая съездов, как Россия в Октябре: что ни день, то все новые и новые съезды. Не успеешь из заседания выйти, как тут же бумажку в руки,—и пожалуйте на митинг.

Вот и мне надо ехать на митинг в Колпино.

По дороге, сидя в автомобиле, расспрашиваю своих спутников о работе в Колпине, о заработной плате, об

условиях жизни рабочих. Расстояние кажется коротким, даже не успел подумать, о чем говорить. Ну, да, ладно! Ведь теперь одна тема: долой Временное правительство, вся власть Советам!

Матрос и рабочий

(С картины В. Максимова)

Автомобиль остановился. Входим в громадное, ярко освещенное помещение, битком-набитое рабочими. С трибуны несется уже охрипший голос меньшевика Церетели. Мелькает мысль: трудненько будет говорить после такого оратора. Впрочем, наше дело маленькое, „по-матросски", в роде того, как в Гельсингфорсе с эс-эром Авксентьевым.

Своей двухчасовой речью он совершенно обворожил матросов, чуть „ура“ ему не кричали. Боялись, что качать начнут. Но когда мы ему по-простецки задали вопрос:

„Вы—эс-эр и представитель крестьянской партии. Так скажите: с какой стороны приворачивается лемех к сохе?“

Авксентьев покраснел, замялся, да так и не ответил. После этого совсем провалился.

С трудом пробираюсь к эстраде. Вдруг взрыв аплодисментов и крики „ура“.

Что это? Кому кричат? Неужели мне?

В здании сплошной гул: „Дать слово матросу!“

Председатель собрания: „Слово от Балтфлота предоставляется представителю Центробалта, только что освобожденному из „Крестов“.

— Позвольте, товарищи,—говорю я,—внести маленькую поправку. Из „Крестов“ меня освободили дней 20 назад, а вот из флота я только-что приехал, и мы хотим знать: с кем вы? С нами,—матросами и солдатами, или с Временным правительством?

И в ответ мне покатилось: „Вся власть рабочим и крестьянам! Вся власть Советам!“

Митинг закончен, но рабочие еще долго не покидают помещения. На их лицах светится вопрос: Когда же? Они готовы, хоть сейчас, ринуться в бой.

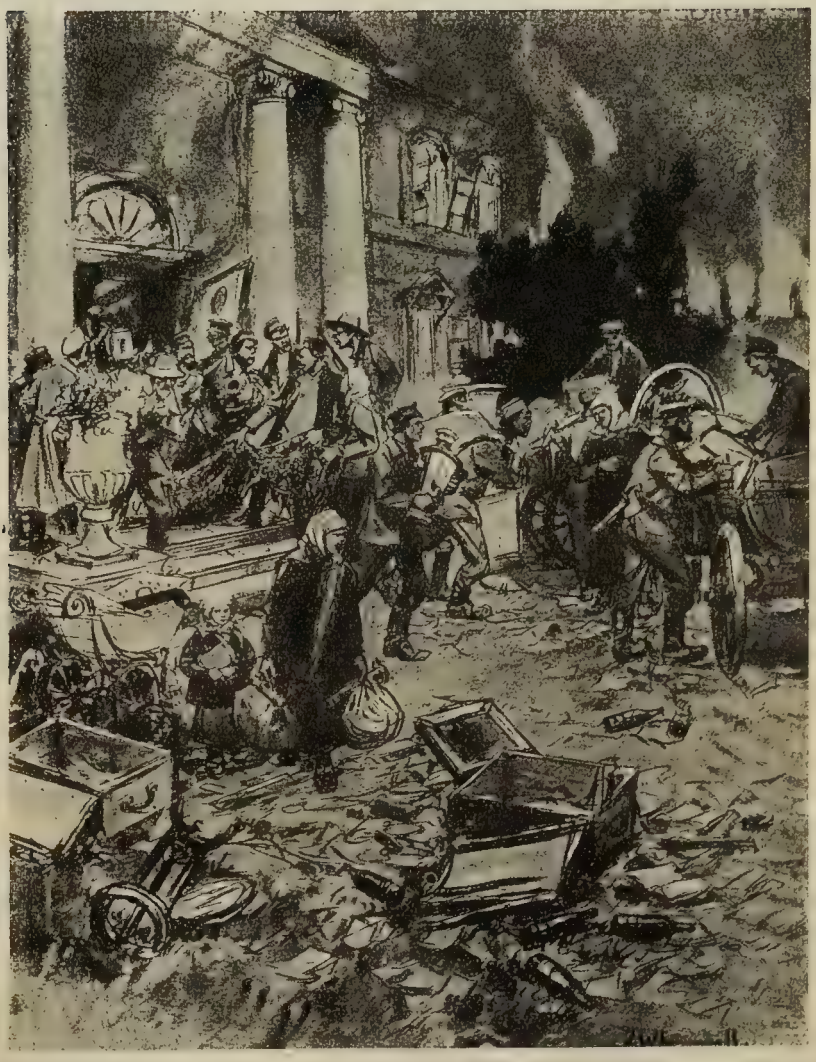
Мы матросы теперь не одни. С нами питерские рабочие и солдаты.

Решение

(Из воспоминаний А. Шляпникова)]

Не помню точно в какой день, но не ранее 8 октября, я получил секретное приглашение на собрание.

Темным октябрьским вечером направился я в знакомое мне Лесное. Пройдя передаточный пункт, организованный по всем правилам конспирации, я направился в сопровождении кого-то из товарищей в задние районы Лесновской Думы. Помещение было погружено в темноту, народу еще было мало.



Восстание крестьян

(С картины худ. В. Владимирова)

Через небольшой промежуток времени собралось в двух комнатах, соединенных дверью, десятка два или два с половиной партийных работников. Пришли В. И. Ленин, Г. Зиновьев,—оба бритые, но без грима. Стульев было мало, свет умышленно ограничен, и пришедшие расположились в большинстве вповалку, прямо на полу.

С докладом выступил В. И. Ленин. Основным пунктом был вопрос о подготовке восстания. Дело организации этого восстания ложилось на нашу партию.

После споров и выяснения наших сил было принято решение в духе предложений т. Ленина.

Совещание партии

(Из воспоминаний В. Яковлевой)

Мы приехали в Питер 10 октября, и здесь т. Свердлов сказал нам, что будет созвано совещание партии для разрешения вопроса: держит ли партия курс на восстание в ближайшее время. Сказал он нам также, что на заседании будет и Владимир Ильич, приехавший из Финляндии.

Владимир Ильич пришел на совещание, когда все уже были в сборе, и появился в совершенно неузнаваемом виде: бритый, в парике, он напоминал лютеранского пастора.

Тотчас же по приходе Владимира Ильича открылось заседание. Было нас человек 12. Владимир Ильич предложил заслушать доклад секретаря ЦК о тех сведениях, которые имеются о положении дел на местах.

Поздно вечером, вероятно уже после 12 часов, было вынесено решение о том, что партия держит курс на восстание в ближайшее время.

Броневик у Смольного

II

ОКТЯБРЬ В ПЕТРОГРАДЕ

Смольный

(Из книги А. Вильямса)

Люди со всех концов России стекаются в столицу.— Это приезжают делегаты на Второй Всероссийский Съезд Советов, собирающийся в Смольном, куда теперь обращены все взоры.

Смольный, бывший раньше учебным заведением для дочерей дворян, теперь центр Советов. Это—громадное величественное здание на берегу Невы. Холодный и серый днем, Смольный по ночам светится сотнями ярко освещенных окон.

Здесь я видел рабочего, худого, в отрепьях, с трудом бредущего по темной улице. Подняв вдруг голову, он заметил фасад Смольного, весь горевший огнями.

Сняв шапку, рабочий с минуту стоял с обнаженною головою и протянутыми руками. Затем с криком он бросился вперед и исчез стремительно в воротах.

С войны, из изгнания, из тюрьмы, из Сибири стекаются делегаты в Смольный.

Смольный теперь огромная площадь, шумная, как гигантская кузница, с ораторами, призывающими к оружию, с аудиторией то рукоплещущей, то негодующей, со звонками председателей, призывающих к порядку, с грудами оружия, с пулеметами, скользящими по цементному полу.

Все делается с лихорадочною быстротою, и поспешность ежеминутно возрастает.

Съезд Советов собирается

(Из книги Джона Рида)

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета, находится в нескольких верстах от центра, на самом краю города. Я поехал туда на трамвае.

Длинные сводчатые коридоры Смольного, освещенные рядом электрических лампочек, были наполнены движущейся толпой солдат и рабочих. Шум от их тяжелой обуви напоминал глухие раскаты грома. На площадках и на поворотах лестниц находились длинные столы, и на них кучами лежали листовки и литература различных политических партий.

На втором этаже находился большой зал для митингов, прежде служивший местом для институтских балов. Высокая белая комната, освещенная канделябрами с сотнями красивых электрических лампочек и разделенная двумя рядами массивных колонн.

За залом находилось помещение мандатной комиссии Съезда Советов. Я остановился здесь и наблюдал за приходом новых делегатов, дюжих бородатых солдат, рабочих в синих блузах, длинноволосых крестьян. Мандатная комиссия, назначенная старым ЦИК, оспаривала мандат за мандатом на том основании, что делегаты были незаконно избраны.

По этому поводу „Рабочий и Солдат“ — орган большевиков — писал:

„Обращаем внимание делегатов нового Всероссийского Съезда на попытки некоторых членов организаций сорвать Съезд распространением слухов, что Съезд не состоится, что делегатам лучше уехать из Петрограда... Не обращайте внимания на эту ложь... Наступают великие дни...“

Съезд был отложен на 7 ноября (по нов. стилю). К этому времени уже и меньшевики и социалисты-революционеры, сознавая, что они побеждены, внезапно изменили свою тактику и начали спешно телеграфировать своим провинциальным организациям об избрании возможно большего количества своих делегатов. В то же самое время Исполнительный Комитет Крестьянских Советов выпустил экстренное воззвание, призывающее крестьян на Съезд 13 декабря для борьбы с выступлением рабочих и солдат.

По городу ходили слухи, что готовится вооруженное выступление рабочих и солдат. Буржуазная печать требовала от правительства ареста Петроградского Совета и запрещения Съезда.

Военно-Революционный Комитет

(Из воспоминаний Садовского)

Вопрос о создании Военно-Революционного Комитета встал числа 12 октября. Даже и в нашей партии в это время были споры, как начать и начать ли. На общем заседании Совета вопрос прошел, кажется, 16 октября.

21 октября, в ночь на 22-е, отдан был приказ по полкам, что распоряжения Петербургского Военного Округа могут не приводиться в исполнение, если они не будут подтверждены В.-Р. Комитетом.

Я не помню, когда было первое заседание Военно-Революционного Комитета. Вероятнее всего это было в ночь, после заседания совета, числа 19 октября; состоялось оно на 3 этаже Смольного. Избрано было Бюро,

в составе: тт. Лазимира (левый с.-р., теперь умерший), Подвойского и Садовского. На заседании присутствовали: тт. Свердлов, Троцкий, Лашевич, Владимир Ильич, Сталин и ряд других товарищей.

Числа 23 октября, В.-Р. Комитетом выделена была тройка для руководства военными операциями против Зимнего дворца. В тройку вошли: тт. Подвойский, Антонов и Чудновский. Я помню заседание тройки у меня в комнате ночью. В маленькой комнате была принесена и разложена карта, Антонов сидел на кровати, а Подвойский с Чудновским яростно спорили о плане действий против Зимнего дворца, о значении для нас Петропавловки, и намечали расположение наших сухопутных и морских сил на Неве.

Нельзя медлить

(Из воспоминаний Антонова-Овсеенко)

Военно-Революционный Комитет Петрограда был создан тогда, когда Временное Правительство отдало приказ о выводе гарнизона из Петрограда на Северный фронт. Но Военно-Революционный Комитет не допустил этого. И вот на одном из заседаний этого Комитета меня вызвали к т. Ленину, который в то время скрывался в подполье. „Идемте, Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь!“ Я вышел следом за торопившими меня тт. Невским и Подвойским. В сумерках вечера автомобиль наш долго крутился разными закоулками, наконец, остановился на одной из уличек Выборгской стороны. Мы прошли пару переулков, внимательно осматриваясь, не следят ли за нами, наконец, гуськом проскользнули в ворота одного из неказистых домов. На условный стук нам сразу открыли. Хозяин квартиры, пожилой рабочий, легко признал моих спутников. „Входите, Ильич сейчас будет“. Ждали недолго. Ну, кто бы его узнал, нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого товарища - вождя! Перед нами стоял седенький, в очках, довольно бодренький старичок добродушного вида, не то учитель, не то музыкант, а может быть букинист.

Петроградский Военно-Революционный Комитет

Ильич снял парик, очки и окинул нас острым взглядом: „Ну, что нового?“ Новости наши не согласовались. Подвойский выражал сомнение, Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича; я рассказал о положении в Финляндии. Моряки с крупных судов настроены весьма революционно. Казаки внушают опасение. Ильич перебивает:

— Нельзя ли направить весь флот к Питеру?

— Нет, — прежде всего фарватер не допустит, потом крупные суда побаиваются подводок и миноносцев.

— Что же можно сделать?

— Можно дать 2 — 3 миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборжцев, — а всего тысячи три.

— Мало, — недовольно и укоризненно говорит Ильич. — Ну, а Северный фронт?

— По докладу его представителей прекрасное настроение, и можно оттуда ждать большой помощи, но чтобы знать точно, надо бы туда съездить.

— Съездите, нельзя медлить.

Уверенность и твердость Ильича укрепляюще действуют на нас. Осторожно выходим на улицу. У самых ворот вдруг наталкиваемся на высокую фигуру, прилаживающуюся влезть на велосипед, — неужели шпик? Только сегодня в газетах было заявление Временного правительства, что напали на след Ленина и Зиновьева, и что арест большевистских вождей неминуем. Т. Невский повернул в дом предупредить; я, сжимая револьвер, прошел за угол. Подвойский остановился на другом углу, велосипед тронулся. Через 2 минуты Ильич, снова неузнаваемый, направился в другое логово. Мы успокоенные зашагали к автомобилю.

Надвигалась решительная минута

(Из книги Л. Троцкого)

Смольный был превращен в крепость. На чердаке его имелось еще, как наследство от старого Центрального Комитета, десятка два пулеметов, но за ними не было ухода, прислуга при пулеметах опустилась. Рано утром

Красногвардейцы у Смольного

по каменным полам длинных и полутемных коридоров Смольного солдаты с грохотом катили свои пулеметы.

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате, непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о выступлении погромщиков, о совещании буржуазных политиков, о жизни Зимнего дворца, о замыслах прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, дамы. Многие приносили чистейший вздор, другие давали серьезные и ценные указания. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

Почта ежедневно приносила десятки писем, в которых мы извещались о смертных приговорах, вынесенных против нас, об адских машинах, о предстоящем взрыве Смольного и пр., и пр.

Члены Военно-Революционного Комитета уже не покидали в течение последней недели Смольного, ночевали на диванах, спали урывками, пробуждаемые курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и телефонными звонками. Самой тревожной была ночь с 24 на 25-е. По телефону нам сообщили из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, из Петергофа — школу прапорщиков. В Зимний дворец Керенским были стянуты юнкера, офицеры и ударники. Мы отдали по телефону распоряжение выставить на всех путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу правительственным частям. Все переговоры велись по телефону совершенно открыто и были, следовательно, доступны агентам правительства.

Наружный караул Смольного усилили, вызвав новую роту. Связь со всеми частями гарнизона оставалась непрерывной. Дежурные бодрствовали во всех полках. Делегаты от каждой части находились днем и ночью в распоряжении Военно-Революционного Комитета. Был отдан приказ решительно подавлять черносотенную агитацию и при первой попытке уличных погромов пустить в ход оружие и действовать беспощадно.

На Неве, под Франко-Русским заводом, стоял крейсер Аврора, находившийся в ремонте. Его экипаж весь состоял из беззаветно преданных революции матросов. Когда Корнилов угрожал в конце августа Петрограду, матросы Авроры были призваны правительством охранять Зимний дворец. И хотя они уже тогда относились с глубочайшей враждой к правительству Керенского, они поняли свой долг—дать отпор натиску контр-революции—и без возражений заняли посты. Когда опасность прошла, их устранили. Теперь, в дни Октябрьского восстания, они были слишком опасны. Авроре отдан был из морского министерства приказ сняться и выйти из вод Петрограда. Экипаж немедленно сообщил нам об этом. Мы отменили приказ, и крейсер остался на месте, готовый в любой момент привести в движение все свои боевые силы во имя Советской власти.

На телеграфе

(Из воспоминаний С. Пестковского)

В 2 часа пополудни 23 октября, в самый разгар записи новоприбывших делегатов на съезд, ко мне подбежал т. Дзержинский с бумажкой в руках:

— Вам вместе с т. Лещинским предписывается занять главный телеграф. Вот мандат Военно-Революционного Комитета, которым вы назначаетесь комиссаром телеграфа. Отправляйтесь сейчас!

— Каким образом занять телеграф?—спросил я.

— Там караул занимает Кексгольмский полк, который на нашей стороне,—ответил Дзержинский.

Больше я не спрашивал. Я отыскал т. Лещинского, и мы отправились вдвоем. Ни у кого из нас не было револьвера.

Мы выяснили, что на всем телеграфе, среди трех тысяч служащих, нет ни одного большевика, и вся масса служащих была враждебно настроена против большевиков.

Положение было весьма трудное. Из Смольного прибыл к нам на подмогу т. Любович. Он был сам по профессии телеграфистом и знал порядки на телеграфе.

Втроем мы почувствовали себя сильнее и пошли переговорить с караулом.

Караул обещал оказать нам содействие. Тогда, 24 октября, около 5 часов, мы втроем, в сопровождении начальника караула, вошли в главный зал телеграфа, подошли к находящемуся там председателю союза почтово-телеграфных служащих Кингу и объявили ему, что занимаем телеграф. Кинг заявил нам, что выставит нас за дверь. Тогда т. Любович вызвал двух кексгольмцев и поставил их около коммутатора.

Среди женщин, служащих телеграфа, начался визг и переполох. Представители „комитета", посовещались между собой, согласились на то, чтобы „в зале сидел комиссар" при условии, если мы выведем солдат из зала.

В 8 часов вечера прибыл „на смену" кексгольмцам караул из юнкеров. Кексгольмский караул заявил, что желает попрежнему занимать телеграф.

Юнкера ушли...

Ночью соседнее с нами здание Телеграфного Агентства было занято двенадцатью матросами под начальством матроса Ивана Савина.

Иметь в соседстве матросов было очень приятно, так как кексгольмцы внушали мало доверия. Ночью юнкера явились еще раз. Матросы скомандовали им „Левое плечо вперед, марш!" И они опять ушли.

В одну из следующих ночей ко мне явились из Смольного со знаменитым манифестом Совета Народных Комиссаров за подписью т. Ленина, где сообщалось о низвержении правительства Керенского и образовании Совнаркома. Манифест приказано было передать по телеграфу на „места". Задача была весьма трудная. Манифест надо было напечатать в количестве не менее 100 экземпляров, а телеграфные служащие отказывались исполнять мои распоряжения.

С помощью подоспел Соловьев. Он указал мне, где находится ротатор, и я заставил какого-то мальчишку отпечатать воззвание. Затем мне пришлось на каждом листе написать название города, куда следовало передать манифест. Соловьев сдавал его на „аппарат".

К утру манифест был передан во все губернские города и промышленные центры, а также в местопребывания штабов армий.

Накануне

Временное правительство доживало последние дни.
— Я желаю только того, чтобы они вышли на

Броневой отряд Петрогр. В.-Р. Комитета

улицу, и тогда я их раздавлю,—гордо заявил Керенский английскому послу накануне Октябрьского восстания.

Министр иностранных дел требует от Керенского издания приказа об аресте Исполнительного Комитета Советов.

Прокуратура получает приказ: арестовывать большевиков.

Юнкера захватывают большевистские газеты: „Солдат“ и „Рабочий Путь“.

24 октября в Совете Республики бледный, взъерошенный Керенский вбегает на трибуну и выкрикивает:

— Попытка поднять чернь против существующего порядка подлежит немедленной, решительной и окончательной ликвидации.

Различные части армии получают приказ: двинуться на Петроград.

Настает решающий день—25 октября.

Клятва

Совет был набит битком.

Солдаты и рабочие, съехавшиеся со всех концов Петрограда, переполняли залы.

Около четырех тысяч человек пришло в этот день.

Но шума не было. Все, затаившись, чего-то ждали...

— Товарищи,—торжественно начал председатель:— от имени Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, будет говорить...

Председатель не докончил.

Стекла зазвенели в зале от криков:

— Да здравствует Петербургский Совет!

Наступила тишина, и оратор заговорил.

Он говорил о том, что петроградские рабочие и солдаты твердо решили передать власть в руки Советов.

Казалось, слушатели забыли обо всем на свете.

Солдат в изодранной шинели поминутно то снимал, то надевал фуражку, сам не замечая, что делает.

Женщина в первом ряду шевелила губами вслед за оратором и не чувствовала, как слезы текут у нее по лицу. Она все время кивала головой, как бы соглашаясь.

Было видно, что толпа пойдет сейчас куда-угодно.

Но вот доклад кончен. Докладчик предлагает резолюцию: бороться за Советскую власть.

— Кто—за?

В зале вдруг зашумел ветер. Это четыре тысячи человек враз подняли руки, как для клятвы.

Голосование кончено. Но никто не опускает рук.

Оратор продолжает говорить, а тысячи рук все еще подняты вверх. Оратор смотрит поверх голов и кричит:

— Клянитесь! Клянитесь до последней капли крови бороться за власть Советов.

Несметная толпа держит руки.—Она клянется.

В этот день по всему городу, на всех заводах было то же самое.

Перед боем давались последние клятвы.

Утро

(Из книги Джона Рида)

К 4 часам утра я встретил Зорина в нижнем зале Смольного с ружьем на плече. „Мы выступили,—сказал он спокойно, но с удовлетворением.—Мы уже захватили товарища министра юстиции и министра по делам вероисповеданий. Они уже находятся в подвале. Один полк направляется на захват телефонной станции, другой на захват телеграфа, а третий — в государственный банк. Красная гвардия выступила“...

На ступенях Смольного, в холодной темноте, мы впервые увидели Красную гвардию—сбившихся в кучу парней в рабочих одеждах, с ружьями в руках, нервно переговаривавшихся.

На улицах Петрограда

Полуденная пушка прогремела с Петропавловской крепости, когда я шел по Невскому. Был сырой, холодный день. Перед Государственным банком у закрытых ворот стояло несколько солдат с навинченными штыками.

— Какого вы лагеря?—спросил я.—Правительственного?

— Больше нет правительства,—ответил один из них с улыбкой.

Военный отель на углу Исаакиевской площади был окружен вооруженными моряками. В коридорах находилось много изящных, молодых офицеров, прохаживавшихся взад и вперед или вместе кучками шепчущихся. Моряки не выпускали их из отеля.

Внезапно раздался резкий ружейный выстрел с улицы, вслед за чем последовал беспорядочный беглый огонь. Я выбежал.

Через всю ширину площади протянулась линия солдат с ружьями наготове. Они смотрели на крышу отеля.

— Провокация! В нас стреляли,—отрывисто бросил один.

У западного угла Мариинского дворца находился большой броневик с красным флагом и с новой надписью красной краской „С. Р. С. Д.“.

У выхода на Новый переулок высилась баррикада из ящиков, бочек, старых кроватей и вагонов. Груда дров забаррикадировала конец набережной Мойки. Короткие поленья с соседней кучи были расположены перед фасадом здания.

По проспекту стянута была большая масса моряков, а за ними, сколько видел глаз, двигались колонны солдат.

Когда мы вышли на Морскую, было совершенно темно, если не считать одного мерцающего фонаря.

На углу стоял большой броневик с работающим мотором и выбрасываемой сзади длинной струей дыма.

Маленький мальчик взобрался на него и заглядывал в дуло пулемета.

Солдаты и моряки стояли вокруг, чего-то ожидая.

Мы отправились назад к Красной арке, где группа солдат собралась и глазела на ярко освещенный Зимний дворец, громко разговаривая.

— Нет, товарищ,—сказал один из них,—как мы можем стрелять в них, там женский батальон, а они скажут, что мы стреляли в женщин.

Когда мы дошли до Невского, другой броневик завернул за угол, и какой-то человек высунул свою голову из башенки.

— Идем,—кричал он,— отправимся туда и атакуем!

Шофер первого броневика подошел и прокричал так громко, что мы могли его слышать даже за шумом гремящего мотора:

— Распоряжения комитета ждать! У них артиллерия за баррикадами.

Вооружение рабочих.

(С картины С. Карпова, АХРР)

В этом месте трамваи уже не появлялись, проходили лишь одинокие пешеходы, и свет был потушен.

В темноте мы наткнулись на груду дров,—увидели, как несколько солдат ставили в позицию трехдюймовую пушку. Солдаты в разной форме приходили и уходили, и стоял неумолчный шум и непрерывный разговор.

По Невскому, казалось, гулял весь город. На каждом углу огромные толпы собирались вокруг двух-трех горячо спорящих людей.

На перекрестках стояли пикеты из дюжины солдат с навинченными штыками. Старики в богатых шубах показывали им кулаки, а изящно одетые женщины визгливо выкрикивали ругательства.

Взад и вперед по улице двигались броневики, еще носившие имена первых царей: „Олег", „Рюрик", „Святослав", но уже замазанных большими красными буквами: Р. С. Д. Р. П.

В Главном Штабе Временного правительства 25 октября

(Из воспоминаний П. Малянтовича)

Я нажал ручку двери и вошел в кабинет без доклада.

Прямо против двери, лицом к ней, спиной к окнам стояли Керенский, Коновалов, Кишкин, генерал Багратуни, адъютанты Керенского и еще кто-то, мне незнакомые.

Было очевидно, что я пришел к концу какой-то беседы, хотя было только 10 часов, и что Керенский куда-то собирается ехать один: и Кишкин и Коновалов были без верхнего платья.

— В чем дело?—обратился я к Коновалову вполголоса.

— Плохо,—ответил он, глядя на меня поверх пенснэ.

— Куда же он едет?

— На встречу войскам, которые идут в Петроград на помощь Временному Правительству.—В Лугу. На автомобиле. Чтобы перехватить их до выступления в Петроград и выяснить им положение, прежде чем они попадут сюда—к большевикам.

— На встречу войскам, идущим сюда на помощь Временному Правительству? А в Петрограде, значит, нет войск, готовых защищать Временное правительство?

— Ничего не знаю,—Коновалов развел руками.—Плохо,—прибавил он.

— И какие это войска идут?

— Кажется, батальон самокатчиков.

Кто-то доложил, что автомобили поданы.

Керенский наскоро пожал всем руки.

— Итак, вы, Александр Иванович, остаетесь заместителем министра-председателя,—сказал он, обращаясь к Коновалову, и быстрыми шагами вышел из комнаты...

С этого момента мы больше не видели Керенского...

— А мы куда?—спросил я, обращаясь к Кишкину и Коновалову...

Немедленно решили, что должны созвать сию же минуту всех членов Временного правительства и обсудить положение.

Мы сели в свой автомобиль и поехали в Зимний дворец.

По телефону стали созывать всех членов Временного правительства.

В Зимнем

В Зимний дворец, где спряталось Временное правительство непрерывно поступали вести, одна тревожнее другой.

— Крейсер Аврора отказался подчиниться приказу правительства. Он не вышел в море, а стоит на Неве, как и прошлой ночью.

— Матросы арестовали командира крейсера и теперь ждут распоряжений от Военно-Революционного Комитета.

— Самый надежный батальон самокатчиков присоединился к Военно-Революционному Комитету.

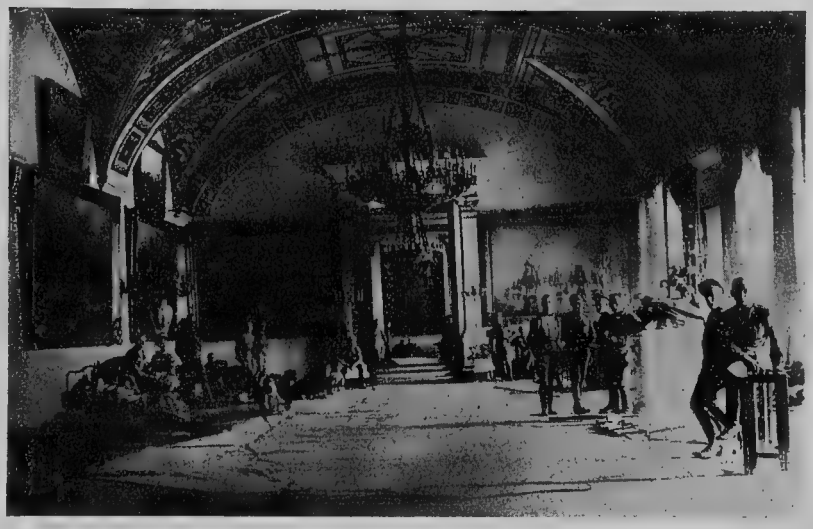
— Полки, вызванные правительством с фронта для усмирения большевиков, отказались выступить и остались на местах.

— Вызванный с фронта 5-й самокатный батальон, доехав до ст. Передольской, перешел на сторону большевиков.

— Петергофские юнкера отказались защищать Временное правительство.

— Кто же будет защищать нас? — испуганно проговорил кто-то из министров.

— Юнкера и женский батальон. — Женский батальон уже прибыл сюда.



Юнкера на охране Зимнего дворца

Между тем Керенский навсегда бежал из дворца и из Петрограда на автомобиле.

Своих министров он бросил на произвол судьбы.

Перед наступлением во дворце

(Из книги Джона Рида)

Мы направились в Зимний дворец.

Все выходы на Дворцовую площадь были охраняемы часовыми, и через западную сторону площади протянут был кордон войск, осаждаемых огромной толпой граждан.

За исключением группы военных, которые выносили дрова из дворцового двора и нагромождали их у входа в главные ворота, — все было спокойно.

Мы приблизились с важным видом, показывая паспорта и заявляя: „По официальному делу“, и прошли.

В дверях дворца те же самые старые швейцары в своих синих пальто с отороченными золотом красными воротниками и с медными пуговицами вежливо взяли наши шляпы и пальто, и мы отправились наверх.

В темном, мрачном коридоре несколько старых дворцовых служителей слонялись без дела. А перед дверью Керенского, покусывая свои усы, ходил взад и вперед молодой офицер.

Он поклонился и щелкнул шпорами.

— Я очень извиняюсь. Александр Федорович крайне занят. Как-раз теперь, — он посмотрел на нас, — фактически он не здесь.

— Где же он?

— Он отправился на фронт. Министры здесь. Они заседают в одной из комнат, — я не знаю где.

— Что ж, большевики наступают?

— Да, конечно, они наступают. Я ожидаю телефонного вызова каждую минуту, чтобы узнать, что они наступают. Но я готов. Мы имеем юнкеров перед дворцом.

— Можем ли мы пойти вот через эти двери?

— О, нет, конечно, нет. Это запрещено.

Внезапно он пожал всем нам руки и ушел прочь.

Мы повернули к двери, вделанной во временную стену, разделяющую зал. Там за стеной слышались голоса, кто-то смеялся.

За исключением этого места, все огромные пространства старого дворца были спокойны, как могила. Старый швейцар подбежал к нам.

— Вы не должны итти туда. Та дверь закрыта, чтобы удержать солдат, — сказал он.

Через несколько минут он заявил, что хочет выпить стакан чая, и отправился назад в зал.

Мы открыли дверь. Как-раз за дверью пара юнкеров стояла на часах. Они ничего не сказали.

В конце коридора находилась большая, богато украшенная комната, с огромной хрустальной люстрой, а за ней — много небольших комнат, обложенных темным деревом.

По обеим сторонам паркетного пола лежали ряды грязных матрацов и одеял, на которых помещалось несколько человек солдат. По всему полу была грязь от окурков папирос, кусков хлеба, от одежды, пустых бутылок с названиями дорогих французских вин. Много солдат с погонами юнкерской школы двигалось в застоявшейся атмосфере, наполненной запахом табачного дыма и немытого человеческого тела.

У одного в руках имелась бутылка белого бургундского вина, очевидно, вытащенная из подвалов дворца.

Они смотрели на нас с изумлением, когда мы проходили мимо из комнаты в комнату, до тех пор, пока мы, наконец, не вошли в ряд огромных салонов, выходящих своими длинными и грязными окнами на площадь.

Стены были покрыты большими масляными картинами в массивных позолоченных рамах, изображавшими исторические военные эпизоды.

На одной картине была прорезана дыра через весь верхний правый угол.

Все это место представляло собою одну огромную казарму. На подоконниках были поставлены пулеметы. Между матрацами стояли колонки ружей.

Мы остановились у окна, выходящего на площадь перед дворцом, где под ружьем выстроились три роты длиннополых юнкеров, к которым обращался с речью высокий офицер.

После нескольких минут две роты трижды четко прокричали и отправились беглым шагом через площадь, исчезнув под Красной аркой.

Кто-то сказал: „Они отправились отбивать телефонную станцию".

Возле нас находились трое юнкеров, и мы завели разговор.

Очень быстро юнкера начали хвастать:

— Если большевики придут, мы покажем им, как драться. Они—трусы, они боятся воевать. Но если над нами возьмут перевес — ну, что ж, каждый из нас сохранит одну пулю для себя.

В это время раздался беглый ружейный огонь не очень далеко от нас; вся публика начала бежать с площади, ложась, чтобы избежать пули, и извозчики, стоявшие

на углах, быстро прогалопировали в разные стороны Внутри дворца поднялся страшный шум. Юнкера бегали взад и вперед, хватали ружья, патронташи и кричали:

— Вот они, вот они!

Через несколько минут все опять успокоилось. Лежавшие на площади люди поднялись. Через Красную арку вошли юнкера, маршируя не в ногу, при чем одного из них поддерживали двое товарищей.

Около Зимнего дворца

В двадцати шагах от дворца юнкера строили баррикады. Они выносили со двора длинные бревна и штабелями нагромождали их у главного входа; они работали молча, несколько ударниц из женского батальона неловко и торопливо помогали им. Винтовки с примкнутыми штыками были прислонены к отлогим перилам лестницы.

Работа велась с утра — длинные штабели дров тянулись уже вдоль всего фасада и закрывали все входы в Зимний. В баррикадах были искусно размещены пулеметы.

На углу Невского голубоватым шаром горел фонарь; вокруг него была светлая пустота, и в этой пустоте изредка мелькали тени.

Направо и налево от этого фонаря неподвижно чернели колонны вооруженных людей, а в двух или трех кварталах от него, вдоль по Невскому, шли трамваи, сверкали витрины магазинов и электрические вывески кино.

Город жил как обычно, стараясь, насколько это было возможно, не замечать революции.

На другой стороне улицы стоял пикет. Солдаты курили самокрутки и негромко разговаривали о событиях сегодняшнего дня.

Балтийский флот в Октябрьские дни

(Из воспоминаний П. Е. Дыбенко)

Дождливые осенние дни усиливали нетерпение. Все ждали сигнала: когда же? Дни казались годами. Хотелось

как можно скорее ринуться в бой, пока не поздно. С кораблей все настойчивее и настойчивее спрашивали: Что же медлите? Скоро ли? Когда? Ответ один „Ждем приказа". Получим, не замедлим. На сей раз не вернемся на корабли без Советской власти.

Откладывать немыслимо. Если все откажутся,—флот выступит один. Задача всем дана. Пароли и сигналы установлены. Наш сигнал о выступлении — телеграмма из Петрограда за подписью Антонова-Овсеенко: „Выслать устав". Это значит выслать в Петроград миноносцы и десант не менее 5 тысяч. При повторной телеграмме, к Петрограду двинуть часть броненосцев и крейсеров. Постепенно, один за другим в Петроград направляем корабли, якобы для ремонта. Главная тревога была за крейсер Аврора, который стоял в Петрограде. Он спешно заканчивал ремонт и предназначался к отправке в Гельсингфорс. Необходимо было его задержать в Петрограде.

Наступили тревожные лихорадочные дни. На несколько суток перед схваткой все как-будто затихло.

В ночь на 22 октября была получена телеграмма с Авроры: „Приказано выйти в море на пробу и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?" Мы предложили крейсеру во что бы то ни стало задержаться. Несмотря на угрозы и посылку броневиков с юнкерами, Аврора все же отказалась выполнить приказ правительства.—Верный часовой оставался на своем посту.

24 октября. К 12 часам из Петрограда получаются одна за другой телеграммы о готовящемся выступлении. Все телеграммы правительственные задерживаются. В Центробалте для руководства назначена тройка. На всех кораблях, командах и пехотных частях установлены дежурные части. Кроме дежурных частей, на каждом корабле наготове по одной роте в полном вооружении. Огнеприпасы для отправки в Петроград приготовлены. Эшелоны для погрузки отрядов составляются. Идет усиленная спешка с ремонтом миноносцев. Ремонт должны закончить к утру. В 8 часов вечера получена телеграмма из Петрограда: „Центробалт — Дыбенко. Высылай устав. Антонов-Овсеенко".

25 октября в 2 часа ночи. На улицах Гельсингфорса мертвая тишина. Тихо без сирен к пристани подходят один за другим буксиры. Бесшумно высаживаются боевые роты, тут же выстраиваются, подается команда, и мерными шагами направляются они к вокзалу. Погрузка проходит без всяких задержек. Эшелоны отходят через каждые полтора часа. В 8 часов утра проходят один за другим миноносцы. На них развеваются красные флаги с надписью: „Вся власть Советам“. Оркестры музыки и громовые раскаты „ура“ провожают уходящие миноносцы в Петроград.

Революционный Кронштадт

(Из воспоминаний И. Флеровского)

Ночь подготовки к выступлению в Питер была исключительной ночью. Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-

Военные суда на Неве в ожидании приказа стрелять по Зимнему дворцу

нибудь сомкнул глаза. „Морское Собрание“ переполнено матросами, солдатами и рабочими. У всех боевой вид

готовых к походу. Приходят за распоряжениями, выносят приказы. К выступлению намечены суда: минный заградитель Артур, только что прибывший в Кронштадт из действующего флота, старший броненосец Заря Свободы, посыльное судно Ястреб и ряд других. Амур и Ястреб с десантом матросов и солдат в Петроград. Заря Свободы, по высадке дессанта в Ораниенбауме, встанет у входа в морской канал, чтобы в случае надобности взять под обстрел Балтийскую жел. дорогу.

На улице большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды серьезных, решительных лиц. Ни смеха, ни говора,—четкий шаг, редкие слова команды. Тишину ночи нарушает лишь громыхание грузовиков, перебрасывающих из интендантских складов крепости запасы на суда. В гавани идет тоже молчаливая, напряженная и спешная работа погрузки. Отряды притулились к набережной и терпеливо ждут посадки.

Брезжило пасмурное осеннее утро, когда началась посадка. В черных бушлатах, с винтовкой за плечами и патронными сумками у пояса, с морской быстротой и ловкостью взлетали матросы по веревочным лестницам на корабль. Неуклюже карабкались непривычные солдаты гарнизона и красногвардейцы. Часам к 8-ми посадка закончена. Революционный штаб поместился на Амуре в каюте судового комитета. Амур шел головным. Руководить операцией Зари Свободы назначили т. Колбина, молодого большевика-матроса, потом погибшего при взрыве собрания Московского комитета в Леонтьевском переулке.

Рожок проиграл сбор, и матросы крепко сгрудились на верхней и средней палубе. Мне надо было сказать слова революционного наступления. Когда передо мной стали тысячи сосредоточенных лиц, когда я увидел массу глаз, на меня устремленных,—я почувствовал небывалый трепет.

Прошло не мало лет, а картина этого митинга последних минут перед выступлением, как живая, стоит перед глазами, и едва ли кто из участников ее забудет.

В кают-компании офицеры при моем появлении и обычном приветствии встали. Выслушали короткое объ-

яснение и приказ.—„Мы идем с оружием в руках свергнуть Временное правительство. Власть переходит к Советам. На ваше сочувствие мы не рассчитываем, и оно нам не нужно, но мы требуем, чтобы вы были на своих местах, точно исполняли свои обязанности по кораблю и наши приказы".

В ответ прозвучало короткое морское „есть" командира судна, и сейчас же все разошлись по местам и своим каютам. Командир вышел на мостик.

Медленно тронулся Амур с матросами, сплошь покрывшими палубу. Было их свыше двух тысяч, громоздились где могли,—ходить не было места.

Идем по узкому каналу. Невольно думаешь.—А что, если правительство заложило пару мин? А почему оно не расставило десятков пулеметов на берегу?—так это просто, и так легко. Но правительству не до того. Вот и Нева. Фабричные трубы, суда,—все спокойно.

Мы решаем вопрос, где встать для высадки. Вдруг слышим ликующее могучее ура. Выскакиваем на палубу. Посереди Невы развернулся наш крейсер Аврора. Гремит оркестр, приветственные клики; радость, оживление ключом забили на палубе.

На улицах Петрограда

На Марсовом поле было шумно и весело. Солдаты разводили костры, беспорядочные пятна пламени возникали у Троицкого моста, у Летнего сада. Возле одного из таких костров собрались солдаты и матросы из разных частей. Все сидели вокруг огня на поленьях, опершись о винтовки.

— Почему нас не двигают вперед?—спрашивал один.—Для чего они языки треплют понапрасну.

— Да ведь посылали к ротному,—сказал молодой солдат.

— Посылали! Много ты знаешь. Мы тут, никак, с самого утра торчим. А теперь который час?

— Хорошие были часы, да вошь стрелку подъела,—ответил молодой солдат.

Высадка матросов в Петрограде

— Что они, в самом деле, смеются, что ли?—быстро заговорил один из матросов.

В это время высокого роста чернобородый моряк внезапно появился на грузовике у Троицкого моста.

Он сказал четким голосом, который был далеко слышен:

— Распоряжение Комитета: Ждать!

Ультиматум

— Военно-Революционный Комитет предлагает вам,— в течение 20 минут с момента вручения настоящего ультиматума [1]) прекратить боевые действия, сдать все имеющееся у вас оружие и передать здание Зимнего дворца в распоряжение Временно-Революционного Комитета.

— В случае отказа или неполучения на настоящий ультиматум требуемого ответа, по прошествии указанного срока, артиллерией Петропавловской крепости и крейсером Аврора будет открыт огонь. Комиссар Петропавловской крепости Лобачев. Член Военно-Революционного Комитета Антонов.

[1]) Ультиматум—последнее решительное требование

Аврора

(Из воспоминаний И. Флеровского)

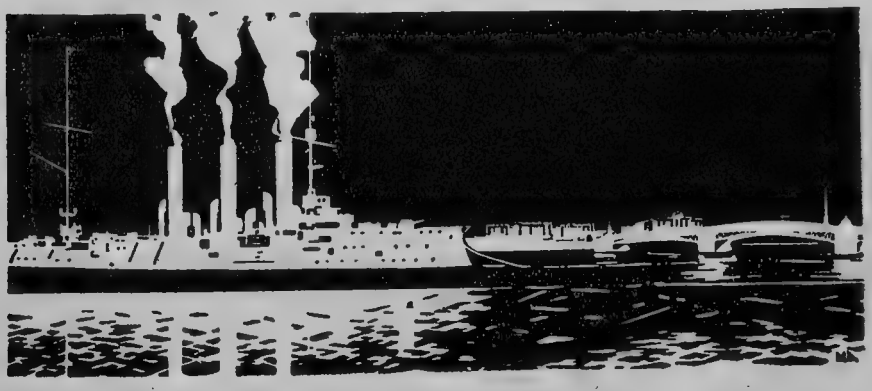
Условились: если ультиматум будет отвергнут, крепость дает первый пушечный выстрел—холостой; за ним выстрелит из шестидюймовки Аврора и тоже холостым, затем снова крепость даст несколько пушечных выстрелов и опять Аврора уже боевым, а затем продолжать бомбардировку до сдачи защитников дворца.

Наступил вечер, начало темнеть. На Авроре был отдан приказ приготовить условленный выстрел, и стали ждать сигнала крепости. Набережные Невы усыпаны глазеющей публикой. Эффект вышел поразительный, когда после сигнального выстрела крепости громыхнула Аврора. Грохот и сноп пламени при холостом выстреле—куда значительнее, чем при боевом,—любопытные шарахнулись от гранита набережной, попадали, поползли. Наши матросы изрядно хохотали над комической картиной.

На кают-компанию выстрел Авроры произвел ошеломляющее впечатление. Несмотря на долгую привычку к выстрелам, все вздрогнули и бросились к окнам. У командира странно запрыгали губы, как перед плачем или истерикой.

— Не волнуйтесь, это—холостой...

Но кают-компания долго не успокаивалась. Разговор затих. Только командир в большой тревоге и оторопелом



Крейсер Аврора на Неве

смущении промолвил—„Выстрел по столице... с русского корабля“.—Это было в начале гражданской войны, потом офицеры привыкли к русским выстрелам по русским городам, и делали их с наслаждением.

После выстрела наступило молчание, молчала и крепость. Мы недоумевали, в чем дело, и ждали. Дворец, видимо, еще сопротивлялся, изредка доносились оттуда стрекотанье пулемета и залпы, но крепость новых вестей не давала.

Но вот показался запыхавшийся матрос, обслуживавший связь с крепостью. Он принес записку, написанную на клочке карандашом. В записке было предложение открыть немедленно орудийную стрельбу по дворцу, чтобы не тянуть осаду до утра. Мы отдали на Аврору приказ—приготовиться к стрельбе.—Все это произошло быстро.

Мы порешили выждать еще четверть часа, чуя возможность смены обстоятельств. И мы не ошиблись. На исходе последних минут новый гонец. Это прямо от Зимнего.—„Дворец взят!“

Заговорила Петропавловка

(Из воспоминаний Антонова-Овсеенко)

Решительный момент в нашей борьбе был тогда, когда мы обсуждали вопрос, как быть с Петропавловкой. Для нас Петропавловка была очень важна, ибо там был арсенал, в котором находилось до 100.000 винтовок. Кроме того, она держала под своим обстрелом Зимний дворец, где находилось Временное правительство. Вдруг приходит весть,—победа на нашей стороне, крепость в наших руках, мы оттуда роздали до 10.000 винтовок, и наша выборгская Красная гвардия выросла в могучую силу. Решено было дворец окружить надежными нашими частями. В 2 часа дня 25 октября должен был открыться Съезд Советов. На нем должна была быть провозглашена Советская власть.

Двенадцать часов 25 октября. По словам коменданта Петропавловки Благонравова все в крепости готово,

орудия накатаны на валы, обстрел Зимнего дворца можно начать по первому сигналу. Миноносцы из Гельсингфорса прибыли и с рассветом вошли в Неву. Аврора продвинулась к самому Николаевскому мосту. Быстро несет меня катер мимо нахохлившегося Зимнего дворца, на набережной какое-то движение: оказывается, выдвигают орудия на Авроре. Выясняется, что обстреливать штаб, где засело Временное правительство, с Авроры невозможно. Условливаюсь, что по сигнальному выстрелу с Петропавловки Аврора даст пару холостых выстрелов из шестидюймовки. Передаю миноносцам, чтобы прошли за Николаевский мост и развернулись по сигналу для обстрела Зимнего. Ну вот кронштадцы едут,—изрядно запоздали. Несколько тысяч молодых стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу транспорта. Говорю им краткое приветствие, именем Советской власти указываю им цель: вот Зимний дворец—последнее прибежище керенщины, его надо взять. Сейчас они высадятся, войдут в связь с первым флотским экипажем и после артиллерийского обстрела атакуют Зимний. Опять еду в крепость. Точно ли там все в порядке?

— Артиллеристы заявляют, что стрелять нельзя,—докладывает Благонравов,—снаряды не подходят, какого-то масла нет.—Как, но вы же говорили, что все готово! Вас просто надувают артиллеристы. Пойдем к батареям.

Уже темнеет, мы изрядно путаем в дебрях Петропавловки. Ну, конечно, эти господа все стараются просто сорвать, ничего у них не ладится, объяснения путанны, в тоне предательская дрожь.—Ладно. Вывозите артиллеристов с Морского полигона. Сигнал же давайте из сигнальной пушки,—распоряжаюсь я. Поднялась суета. Подозрительно долго возятся с сигнальной пушкой. Совсем стемнело. Грозно, зловеще все напряглось вокруг Зимнего, из Смольного нас торопят. По Миллионной беспорядочная толпа матросов, солдат, красногвардейцев то наплывает к воротам дворца, то отхлынет, прижимаясь к стенкам, когда с дровяных баррикад юнкера открывают стрельбу.—Наконец-то! Глухо донесся орудийный выстрел. Еще и еще. Заговорила Петропавловка.

Восстание

(Из воспоминаний М. Лашевича)

24 октября Керенским было отдано распоряжение о разводке всех мостов.—Этим шагом он хотел оторвать Смольный от рабочих районов. Допустить этого нельзя было ни в коем случае. Немедленно был отдан приказ по всем районам, не допускать разводки мостов, для чего выслать вооруженных красногвардейцев. Районы выполнили приказ в точности, и мосты были заняты. Но Николаевский мост оказался в руках юнкеров. По получении сообщения об этом, Военно-Революционный Комитет приказал крейсеру Аврора мост навести.

Аврора развернула и навела орудия на мост, высадив одновременно десант на берег, предложив юнкерам уйти, что и было ими исполнено немедленно. Военно-Революционный Комитет решил действовать. Мне было приказано взять ночью Государственный банк, казначейство, телефонную станцию, телеграф и почту.

При подходе к телефонной станции, нами был захвачен патруль юнкеров. Мы с налету ворвались во двор станции, захватив в воротах бронемашину. Телефонная станция была взята без выстрела.

Еще легче удалось занять Государственный банк и казначейство. Находившиеся в карауле солдаты Семеновского полка заявили, что они тоже за Военно-Революционный Комитет. Для верности все же я оставил часть матросов. К тому же времени было занято казначейство и получено донесение о занятии почты и телеграфа. К восьми часам все приказания Военно-Революционного Комитета были исполнены.

На улицах, прилегающих к дворцу, шла горячая перестрелка. Вокруг Временного правительства собрались юнкера военных училищ, школа прапорщиков, женский батальон и часть казаков.

Юнкера из-за баррикад из дров обстреливали всю площадь. После предъявления ультиматума т. Антонов решил действовать артиллерией. Комендант крепости настойчиво требовал от крепостных артиллеристов откры-

тия огня по Зимнему дворцу. Но те отказались, ссылаясь на то, что эти орудия годны только для салютов, а не для боевой стрельбы.

Антонов грозил всякими карами и требовал открытия огня во что бы то ни стало. Выручили прибывшие матросы. На вопрос, могут ли они открыть огонь, они, осмотрев орудия, заявили, что могут; через несколько минут в ночной тишине загрохотали трехдюймовки крепости, а вслед за ними шестидюймовки крейсера Аврора, стрелявшего холостыми зарядами.

Наши части перешли в решительное наступление. Среди гарнизона дворца началась паника, часть казаков и юнкеров разошлась. Женский батальон был захвачен павловцами.

Временное правительство было арестовано и отправлено т. Антоновым в Петропавловскую крепость.

Последние часы Временного правительства

(Из записок офицера)

С планом в руках комендант хотел итти в Белый зал, но в комнату вошла офицер-женщина.

— Ударная рота женского батальона смерти прибыла в распоряжение коменданта обороны. Рота во дворе. Что прикажете делать?—вытягиваясь и отдавая честь по-военному, отрапортовала офицер-женщина.

— Спасибо. Рад. Займите первый этаж вместе с инвалидами. Поручик, пошлите юнкера для указания места.

Поручик отправился разыскивать столовую. Толстый важный лакей отворил дверь. Поручик шагнул на яркий ослепительный свет и остановился. Клубы табачного дыма, запах винного перегара ударил в нос, запершило в горле. А от пьяного разгула офицеров, из которых некоторые почти сползли со стульев, закружилась голова. „Пир во время чумы... позор, это—офицеры!..“—сказал поручик.

А в это время на дворе казаки устроили митинг, и, собрав мешки, уходили.

Раздались выстрелы и щелканье пуль о стены дворца.

Где-то в укромном зале, за портретной галлереей, отсиживалось Временное правительство.

Штурм Зимнего дворца

В грохоте орудий не слышно было топота шагов.

Как черная река, заполняя всю улицу, шли солдаты.

В густой темноте отряд вошел под арку на Морской и впервые за весь день увидел Дворцовую площадь.

Площадь была озарена бледным, затуманенным светом; со всех сторон, со всех прилегающих улиц неслись спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, цепи солдат, красногвардейцев, матросов.

Окна Зимнего были освещены; в этом свете у баррикад видны были броневики, облепленные темной массой людей.

Без одного слова команды, без возгласов и без пения отряд продвинулся под аркой, вышел на открытое место и вдруг побежал вперед, пересекая Дворцовую площадь.

Отряд начал молча взбираться по скользким, вымокшим бревнам, падая и снова поднимаясь, крепко держа в руках свои винтовки.

Яркий свет лился из окон дворца, у главного входа возились с пулеметом, высокий, полный офицер бежал к баррикаде, размахивая рукой, вооруженной револьвером. Отряд, разбрасывая бревна, перекатываясь через штабеля, бросился к подъезду.

Здесь, на лестнице первого и второго этажей, солдаты теснили юнкеров, стрелявших сверху.

Юнкера отступали все дальше и дальше вглубь дворца; стрельба прекращалась, только время-от-времени еще щелкали одиночные ружейные выстрелы.

И вдруг на лестнице, среди беспорядочной толпы, началось какое-то движение; снизу отхлынули назад, сверху поддались вперед—толпа шпалерами расступилась вдоль перил.

Невысокого роста человек в очках и в фетровой шляпе торопливо шел, почти бежал по этому живому коридору.

Штурм Зимнего дворца

Худощавый моряк, начальник кронштатдского отряда, выбежал навстречу ему и, протолкавшись сквозь толпу, окликнул его по имени.

— Где Временное правительство?—спросил человек в очках.

— Во втором этаже, через три комнаты от Малахитового зала... Там еще...

— Что?

— Там еще юнкера... Не сдаются.

Они скрылись в толпе.

Небольшая колонна юнкеров, — последняя гвардия Временного правительства,—неподвижно стояла в караульной комнате, у дверей, за которыми совещались тринадцать министров. Вся колонна держала винтовки наизготовку и ни одним словом не отвечала на бешеные крики, которыми толпа, втиснувшаяся вслед за человеком в очках в караульную комнату, встретила это последнее препятствие.

И вдруг все смолкло. Человек в очках поднял руку.

— Товарищи! Не нужно крови. Сопротивление бесполезно. Положите оружие. Временное правительство здесь?

Один из юнкеров за спиною своих товарищей открыл дверь в кабинет и вытянулся на пороге во фронт.

— Как прикажет Временное правительство? Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет Временное правительство.

Из записок бывшего министра Временного правительства

К нам вошел подполковник Пальчинский, доложил: „Казаки покинули дворец, ушли, говорят,—не знают, что им тут делать".

Ну, что ж! Ушли,—так ушли. Мы уже ничему не удивлялись. И настроение наше от этого не переменилось...

Юнкера Михайловского училища, ушли и увезли четыре пушки... Наши защитники редеют...

Опять тихо. Опять мы разбрелись по насиженным местам.

Кто-то вошел и доложил:—Женский батальон ушел, сказали: „наше место на позициях, на войне; не для этого дела мы на службу пошли“...

Вошел еще кто-то. Кажется, начальник нашего караула. Доложил, что юнкера—не то Павловские, не то Владимирские—ушли,

Приняли к сведению. Защитников у нас становилось все меньше и меньше.

Стрелка приближалась к 12 часам ночи.

Нам доложили, что часть юнкеров Ораниенбаумской школы прапорщиков ушла...

Сколько же у нас осталось—у Временного правительства Российской республики—военной силы?

И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитых в одну волну звуках сразу звучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы,—что то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец.

Кто лежал, кто сидел, вскочили, и все схватились за пальто...

А шум все крепнул, все нарастал и быстро широкой волной подкатывался к нам... И к нам от него вкатилась и охватила нас нестерпимая тревога.

Все это в несколько минут...

Уже у входной двери в комнату нашего караула—резкие взволнованные крики массы голосов, несколько отдельных резких выстрелов, топот ног, какие-то стуки и все растущая тревога...

Ясно: это уже приступ, нас берут приступом... Защита бесполезна.

Дверь распахнулась... Вскочил юнкер. Вытянулся во фронт, руку под козырек, лицо взволнованное, но решительное:

— Как прикажет Временное Правительство? Защищаться до последнего человека?

— Этого не надо! Это бесцельно! Это же ясно. Надо сдаваться,—закричали мы все, не сговорившись, а только переглядываясь и встречая друг у друга одно и то же чувство и решение в глазах.

Вперед вышел Кишкин.

— Если они уже здесь, то, значит, дворец уже занят...

— Занят. Заняты все выходы. Все сдались. Охраняется только это помещение. Как прикажет Временное правительство?

— Скажите, что мы не хотим кровопролития, что мы сдаемся,—сказал Кишкин.

Юнкер вышел... Вся сцена длилась, я думаю, не больше минуты...

Стало слышно: волна звуков сразу упала.

Очевидно, что юнкер передал наше заявление.

Потом шум опять поднялся, но он иначе звучал.

От сердца отхлынула тревога...

— Оставьте пальто. Сядем за стол—сказал кто-то, кажется, Кишкин. Сели.

Я оглядел всех, все лица помню. Все лица были утомленные.

Шум у нашей двери. Она распахнулась,—и в комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату.

— Где здесь члены Временного правительства?

Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас кольцом.

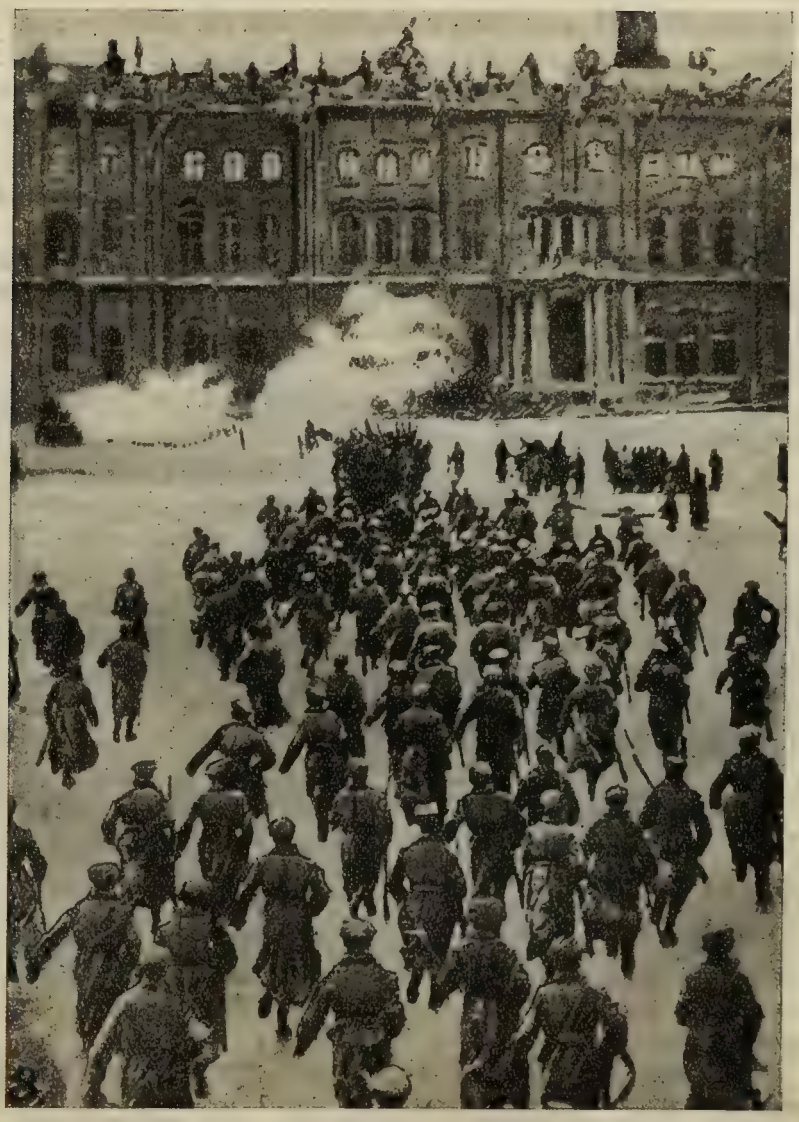
— Временное правительство здесь,—сказал Коновалов, продолжая сидеть,—Что вам угодно?

— Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я председатель Военно-Революционного Комитета Антонов.

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития,— сказал Коновалов.

— Чтобы избежать кровопролития. А сами сколько крови пролили, — раздался голос из толпы за кольцом стражи. И следом сочувствующие возгласы с разных сторон.

— А сколько нашего народа побито из ружей да пулеметов!



Штурм Зимнего дворца

Из воспоминаний Н. Подвойского

Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятие Зимнего, не вышел на открытие Съезда Советов. Он метался по маленькой комнатке Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний.—Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся. Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять.

На „позициях“ около Зимнего дворца мы все горели тем же нетерпением. Но, будучи уже обеспечены победой, мы ждали унизительного конца Временного правительства.

Временное правительство самым ходом революции было уже обречено на-смерть.

К трем часам положение Временного правительства было безвыходное. Наши цепи находились от Зимнего в нескольких сотнях шагов. Уже все вокзалы, телефоны, телеграф, электрическая станция, водопровод находились в наших руках.

За стенами дворца все еще на что-то надеялись, верили в несуществующую силу.

Но батарея военного училища вышла из повиновения начальника обороны Зимнего, снялась с позиции и ушла.

Нашего врага разлагала агитация наших сторонников в среде юнкеров и казаков, а также пропущенная через потайные ходы группа переодетых матросов и солдат.

Часть георгиевцев колеблется, изменяет Временному правительству, слагает оружие и пытается выйти из Зимнего. Их удерживают, увещевают офицеры, удерживают юнкера. Но они уходят.

Наконец, и женский батальон принимает решение сдаться.

Когда несколько гранат разорвалось в коридорах Зимнего,—колебаниям был положен конец. Матросы, красногвардейцы и солдаты, под пулеметную трескотню, перелетели через баррикады у Зимнего, смяли их защитников и ворвались в ворота Зимнего...

Я остаюсь на площади до ухода с ней всех войск. Караулы заняли посты. Я уехал в Смольный. Было два часа. Зашел к Владимиру Ильичу. Какая это была великая встреча!

На Съезде Советов

(Из воспоминаний Л. Троцкого)

25-го открылось заседание II Съезда Советов. Меньшевики Дан и Скобелев пришли в Смольный и направи-

Охрана входа в Смольный

лись как-раз через ту комнату, где мы сидели с Владимиром Ильичем. Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидал нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева,

мигнул глазом, и прошел. Владимир Ильич тоже толкнул меня локтем:—„Узнали подлецы!“

Но это было не опасно, потому что в этот момент мы были господами положения.

Смольный в дни борьбы

(Из воспоминаний А. Шляпникова)

В районе Смольного наблюдались знакомые мне картины, напоминавшие первые дни Февральской революции около Таврического дворца. Такое же обилие вооруженных солдат и рабочих, как в те далекие дни и в дни неудачного выступления 3—5 июля. Самое здание бывшего института „благородных девиц“ охранялось усиленным караулом. Около первого входа были блиндажи, а в огромном дворе, напротив Смольного, было свезено и сложено огромное количество дров, могущих быть надежным прикрытием от оружейного огня. У самого входа в здание, на площадке лестницы, стояли пулеметы и скорострельное оружие с ящиком снарядов.

Длинные коридоры сводчатого здания наполнены гулом от шагов, лязга сабель и шпор. Всюду—вооруженные, всюду—винтовки, штыки, серые шинели, черные, масленые тужурки и пальто, обвешанные сумками и лентами патронов. Одни торопливо спешат, строятся рядами у входа, другие, усталые, медленно бредут, поднимаясь по ступенькам, разбредаются по комнатам, располагаясь на отдых.

В маленькой комнате заседаний Военно-Революционного Комитета все утопало в синем табачном дыму. Бегают вестовые. Являются уполномоченные за справками, мандатами. За столом несколько членов Военно-Революционного Комитета бегло обмениваются мнениями. Вижу усталых, красноглазых от бессонницы товарищей Подвойского, Антонова-Овсеенко, Шатова и многих других, бодрствовавших и отдыхавших тут же товарищей.

В большом (актовом) зале заседает Совет. Слышатся бурные аплодисменты,—это делегатские приветствия вернувшимся из подполья товарищу Ленину и другим.

Похоронный марш

Ленин уже несколько дней покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих квартирах. 25-го вечером он конспиративно прибыл в Смольный.

Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время-от-времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые сужали свое кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два-три орудийных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного. Выступили два матроса. Они принесли весть о первых жертвах с нашей стороны на Дворцовой площади. Все поднялись, точно по невидимому сигналу, и с единодушием пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

Речь

За несколько часов до сдачи Зимнего дворца на заседании Петроградского Совета рабочие и солдаты услышали:

— Здесь присутствует Ленин.

Под крики и рукоплескания на трибуну вошел Ленин.

Вот, о чем сказал Ленин:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о которой все время говорили большевики, совершилась.

Теперь страной будут управлять Советы.

Сейчас прежде всего нам надо кончить войну. Но для того, чтобы прикончить войну во всем мире, надо прикончить с капиталистами. Нам помогут это сделать рабочие всего мира.

В России большинство крестьян ясно сказало: мы пойдем с рабочими. Крестьяне теперь еще больше начнут доверять рабочим, так как мы отберем у помещиков землю и отдадим ее крестьянам.

Главное спасение сейчас — это союз рабочих с крестьянами.

Да здравствует всемирная революция!

На Съезде Советов

Быстро идут события одно за другим:

— Взят Главный штаб.

— Идет штурм Зимнего дворца.

— Юнкера сдаются.

— Временное правительство арестовано.

И вот Петроград в руках восставших. Но поднимается ли вместе с Петроградом и вся Россия? Что скажут солдаты на фронте? Что скажет армия?

Было раннее утро, когда на Съезде Советов на трибуну поднялся бледный человек.

Он шатался от усталости.—Это был прапорщик Крыленко.

Крыленко потряс какой-то бумажкой и хрипло закричал:

— Товарищи, получена телеграмма! С Северного фронта. Двенадцатая армия посылает приветствия Съезду Советов. Вся власть на Северном фронте перешла к фронтовому Военно-Революционному Комитету. Армия за нас!

Орудия у Московского Совета

III

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

В Московском Совете

(Из воспоминаний В. Соловьева)

Белогвардейцы занимают Метрополь, здание Городской думы, Кремль, Никитскую и Арбат. Все районы— наши; от пробивающихся к нам товарищей мы знаем, что там кипит работа и организуются красногвардейские части, но здесь в центре, в Московском Совете, мы чувствуем, что нас могут окружить. Мы уже почти отрезаны от Замоскворечья и Лефортова, нас отрезают от Бутырок. Низ Тверской занят юнкерами, выше, поперек Тверской, работает неприятельский пулемет, поставленный в переулке на церковной колокольне.

По постановлению штаба, Смирнов отправляется на Ходынку за артиллерией. Приходит ночь, а его все нет. Отовсюду доносится частая, беспорядочная стрельба, совсем рядом с Советом. Подсчитываем наличные силы; выясняется, что в здании около 200 вооруженных людей. Немного!

К этому времени мы перешли во второй этаж. Окна комнаты, в которой заседают В.-Р. Комитет и партийная пятерка, выходят во двор, рядом, за тонкой стеной, штаб, окна его комнаты выходят в Чернышевский переулок... Во дворе суетня и крики.

И вдруг в комнату быстрыми шагами вошел Смирнов.

— Наша артиллерия—на Советской площади!

Сразу почувствовалось, что начинается перелом. Одно орудие вниз по Тверской, другое вверх, третье по Козьмо-Демьяновскому переулку.

— Теперь голыми руками они Советов не возьмут. Теперь мы продержимся день, другой, пока не подтянутся районы.

Первый орудийный выстрел. Задрожали и полопались стекла. Меткий удар в гостиницу „Националь“, нынешний 1-й дом Советов.

В Кремле

I

В тот момент, когда юнкера обложили Кремль, на охране Кремля находилось всего несколько рот солдат 56-го полка, было несколько пулеметов и очень небольшое количество патронов, но, несмотря на это скудное вооружение и малое количество гарнизона, солдаты чувствовали себя твердо и непоколебимо,—готовы были помереть на развалинах Кремля.

Всю ночь никто не спал, ходили кругом Кремля по стене. Комендант т. Берзин то-и-дело появлялся среди солдат и спрашивал: „Все ли спокойно?“, не приказывал ходить толпой, чтобы, на случай стрельбы, меньше было

Военно-Революционный Комитет в дни Октября в Москве

потерь. Солдаты охотно исполняли все приказы т. Берзина, но все-таки иногда, где-нибудь в безопасном местечке, собирались по нескольку человек и заводили разговор о всевозможных сражениях и наступлениях, которые возможны были в эту ночь. И верно,—кругом было тихо, но то там, то сям изредка доносился отдаленный звук где-то трещавшего пулемета, то иногда слышалась ружейная перестрелка. Солдаты не придавали этому никакого значения; они говорили: „Это наверное, советские войска идут к нам на помощь,—это они пробивают себе дорогу". С вечера, когда юнкера стали готовиться к наступлению, т. Берзин стал просить Московский Совет по телефону дать в Кремль подкрепление. Московский Совет ответил: „Продержаться в Кремле до 11 часов ночи, а в 11 часов придут к вам на помощь 55-й полк и первая запасная артиллерийская бригада". Солдаты нашего 56-го полка согласились продержать Кремль до 11 час. ночи. Смотрим: время один час ночи, а помощи все нет. Потом бьет два и три часа ночи; солдаты начинают уже не доверять т. Берзину, к ним в душу западает подозрение о предательстве.

Стало светать, а поддержки все нет и нет. Вдруг, видим,—против Троицких ворот стоит т. Берзин и с ним несколько солдат, он им и говорит: „Я Кремль сдаю". Один солдат отскочил на три шага в сторону, схватил винтовку наперевес, штыком почти коснулся груди Берзина, закричав: „Ты нас предал!", но в этот момент другие солдаты схватили его за штык и стали кричать, что нужно разобраться. Тогда солдаты сами стали звонить по телефону в Московский Совет, но юнкера перерезали провод Московского Совета и соединили его со своим штабом, откуда и ответили, якобы из Московского Совета: „Все войска на стороне штаба,—только вы, небольшая горсть, еще держитесь в Кремле". Узнав о таком ужасном явлении, солдаты сначала все же не хотели сдать Кремль, но, видя, что к ним на помощь обещались прибыть еще в 11 часов вечера, а сейчас уже 7 утра, а помощи все нет, поверили, что все войска присоединились к штабу, и решили сдать Кремль.

II

Мы стояли против ворот и ждали, что будут с нами делать. Вокруг нас была поставлена цепь юнкеров. Потом подходит к юнкерам пьяный офицер, поговорил что-то с ними и ушел; юнкера тоже стали расходиться, мы остались одни.

Вдруг раздался свисток, ружейный выстрел, сзади затрещал пулемет; задние ряды повалились, как подкошенные.

Картина была ужасная: кругом кровь, стон раненых, крики, взрыв бомб; треск пулеметов.—Все смешалось в общий гул. Оставшиеся в живых потеряли сознание,— лезли в калитку ворот, давили друг друга. Наконец, пулемет остановился. Юнкера подбежали к оставшимся в живых, заставили убирать раненых и стаскивали в одну кучу убитых. Когда все это было сделано, мы собрались в казарму.

Чрез несколько минут юнкера снова приходят к нам в казарму и стали выгонять нас к воротам.

Выгнали, построили в одну шеренгу и повели во двор окружного суда (ныне здание ВЦИК), где мы пробыли до 6 часов вечера голодные, измученные, в одних гимнастерках; некоторые— в крови и без фуражек. Было холодно. Несколько товарищей стали просить у юнкеров обед, но юнкера определенно сказали: „Зачем вам обед, когда вы будете расстреляны?“

В 6 часов вечера пришел генерал и приказал нас построить. Тут у каждого из нас пронеслась одна мысль: „Ну, вот и конец“, и вся жизнь в эту минуту мелькнула, как на блюдечке.

Но нас отвели в кремлевские казармы, где мы под арестом просидели всю канонаду до освобождения нас Красной гвардией.

Борьба в Москве

I

— Куда вы идете?—спросил я солдат, увидав, как они строятся на Скобелевской площади в ряды.

— А вон там, в Брюсовском переулке, нашим немного худо, так мы им на подмогу.

— Кто ж вам приказал?

— Не знаю.

Никто из них не знал, кто приказал. Они выступили сами.

II

Днем из Столешникова переулка подкатил юнкерский броневик к Совету и ударил снарядом в угол здания. В одной из комнат стоял солдат и держал бомбу. От неожиданности руки солдата дрогнули, он выронил бомбу, которая разорвалась, легко ранив солдата и выхлестнув все окна в комнате Совета. Все сбежались в эту комнату. Переполох.

— Как же так подпустили броневик к самому Совету?—кричало много голосов.

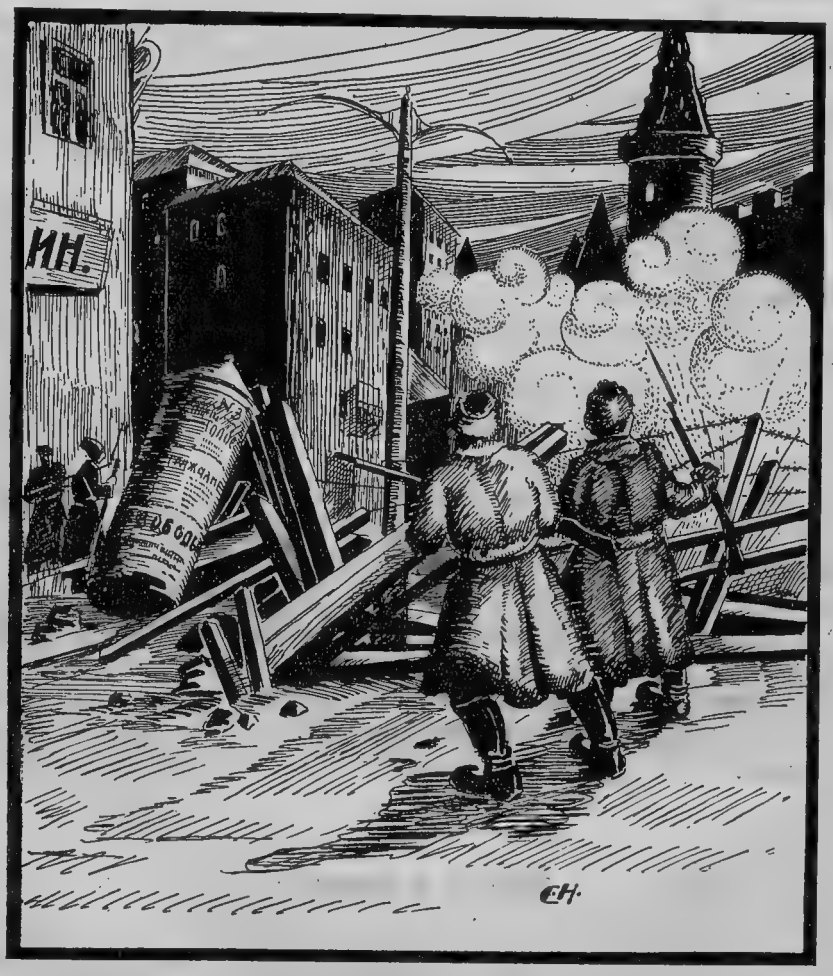
Я вышел на улицу и узнал, что дело объяснилось очень просто. Наши артиллеристы, измученные, вздремнули у пушек; в это время броневик-то и подскочил. В следующий момент наша артиллерия открыла огонь, и броневик скрылся.

III

Злосчастное перемирие было заключено нами с Рябцевым. Оно лишь увеличило кровопролитие, ибо для той и другой стороны было намеком на слабость.

В стане юнкеров озлобление против Рябцева за перемирие дошло до того, что в здании думы один из офицеров застрелился, а во всех пунктах юнкера не переставали обстреливать наших. Не молчали и наши. Нам, штабу, удалось лишь ненадолго остановить орудийный огонь. Ненадолго, потому что часа в три загремели

пушки у Алексеевского училища, где руководил неукротимый и неудержимый т. Демидов.



На улицах Москвы

IV

Я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова.

В трубку было слышно, как ухнул снаряд.

. . . Буxx!..

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов, не лишенный хитрости, отвечает протяжно:

— Не слы-шу.

Снаряд опять: Буххх!..

— Именем Военно-Революционного Комитета приказываю тебе прекратить огонь.

. . . Буххх!..

— Ни черта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменное.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: Буххх!

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади или в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот присылай, брат, распоряжение, мне некогда.

И трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное с верховым, достигло до Демидова тогда, когда суточное „примирение“ уже кончилось.

Бои еще продолжались два дня. Победа наша была полной.

Москва в Октябре

I

Началом московских боев было столкновение солдат и юнкеров у подъезда Московской городской думы (ныне Финансовый отдел Московского Совета) поздно вечером 26 октября (ст. стиля). Солдаты с винтовками хотели пройти в думу. Юнкер-часовой, стоявший у дверей, их не пускал. Произошла ссора, столь обычная в те дни. Ссора закончилась стрельбой, во время которой один юнкер и один солдат были убиты. Публика в панике

бросилась бежать с Воскресенской и Театральной площадей и разнесла весть о стрельбе по всей Москве.

Около 7 часов утра на следующий день я вышел на улицу. Ни прежде, ни после я не видел такого многолюдства на Пресне. Тротуары были запружены народом. На углах чернели толпы. Трамваи уже не ходили. Изредка проедет извозчик. Группы молодых рабочих, воору-

Батарея у Крымского моста, обстреливавшая Кремль по распоряжению Московского Совета

женных винтовками, шли поспешно. Мальчишки большими стаями бежали к центру города, где уже гремела беспрерывная стрельба. Множество народа — мужчин и женщин — с узлами на плечах бежали из центра. Стали попадаться раненые. Их везли на извозчиках и на автомобилях сестры милосердия. У Никитских Ворот стояла цепь солдат, не пропускавшая никого вниз по улице, к манежу.

Через Страстную площадь с Ходынки, где были лагери, шли солдаты с винтовками — к Совету на защиту революции. Время-от-времени с ревом проносился грузовой

автомобиль, до отказа набитый солдатами и рабочими, стоявшими плотно один возле другого. Винтовки и знамена высоко вздымались над головами. У солдат и рабочих через плечи висели крест-на-крест пулеметные ленты.

В Охотном ряду я увидел вооруженных юнкеров и студентов. Осторожно выглядывая из-за угла, они стреляли вверх по Тверской. Оттуда им отвечали. Пули свистели со всех сторон. Они били в стены домов, поднимая облачка пыли, в вывески, в окна, в деревянные лавочки. Здесь уже было опасно. Но я с удивлением увидел, что за лавочками прячется множество мальчишек. Как мыши, они пугливо смотрели отовсюду — из углов, из-за ящиков, из тесных проходов. Когда поднималась ожесточенная стрельба, они поспешно ныряли в темные углы. Но как только стрельба утихала, они снова выскакивали на мостовую и наперегонки бросались подбирать винтовочные гильзы.

Одна пуля пробила трамвайный провод. Провод упал на землю и загорелся. С треском поднялось столбом белое пламя и полыхало минут пять. Мальчишки кричали: „Ура!“.

II

Второй день был солнечный. С утра артиллерия, стоявшая на Ходынке, открыла стрельбу по центру Москвы. Снаряды с характерным визгом и лязгом летели над домами. Шрапнель рвалась высоко в воздухе и,— точно белые кораблики, — ее дымки плавали в синем небе. Извозчики уже исчезли. Народа на улице стало меньше. Магазины не открывались. Начала устанавливаться правильная линия боев, через которую уже не пропускали никого. Появилось много солдат. Они шли гуськом, один за другим, по тротуару на Скобелевскую площадь, к Революционному Штабу.

На третий день боя белая гвардия едва не захватила Революционный Штаб. Скобелевская (Советская) площадь до этого дня совсем не охранялась. Только одна пушка стояла на углу Тверской улицы, и возле нее дежурили солдаты. Остальные выходы на площадь были открыты.

Солдаты и рабочие свободно входили на площадь и выходили. Около полудня из Охотного ряда вверх по Большой Дмитровке двинулся белогвардейский броневик и за ним два грузовых автомобиля, переполненные студентами, юнкерами и офицерами. Броневик должен был выйти на Скобелевскую площадь, пулеметом разогнать солдат, а юнкера и студенты захватили бы дом и арестовали Революционный Штаб. На углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки броневик приостановился и начал медленно поворачиваться, чтобы войти в Козьмодемьянский переулок. Улицы кругом были совершенно пусты. Солдаты и рабочие скрылись. Броневик медленно пополз задом к Скобелевской площади. Но грузовики с юнкерами и студентами все еще стояли на месте, среди улицы. Вдруг между юнкерами и студентами произошла паника. Кому-то из них показалось, что с крыши стреляют. Все соскочили с грузовиков на землю и ожесточенно начали стрелять в крышу и окна углового дома. В панике они забыли обо всем окружающем. В это время солдаты и рабочие появились на углу Глинищевского переулка и открыли стрельбу по белогвардейцам. На таком близком расстоянии нельзя было не попасть. Несколько юнкеров было убито. Остальные бросились под ворота ближних домов. Шоферы с грузовиков тоже убежали. Улица опустела. Между тем броневик вышел на Скобелевскую площадь, обстрелял из пулемета Совет, разогнал солдат и рабочих... Словом, все шло так, как предполагалось. Белогвардейцам нужно было только захватить Штаб. Но белогвардейцы, загнанные под ворота на Большой Дмитровке так и не решились выйти снова на улицу. Броневик несколько раз принимался стрелять из пулемета, словно звал. Однако никто к нему не шел. Тогда броневик сделал пушечный выстрел в окна гостиницы „Дрезден“, откуда на него смотрели какие-то люди, и начал уходить тем же путем, как и пришел. К вечеру все выходы на площадь были тщательно забаррикадированы, и белогвардейцы уже больше не пытались пройти к Революционному Штабу.

С каждым днем артиллерия перемещалась все ближе к центру города. Несколько пушек стояло на Пресне

близ Горбатого моста и стреляло перекидным огнем в Кремль. Все окна в ближних домах вылетели от грома выстрелов. На некоторых домах обвалилась штукатурка. Артиллерийские выстрелы так пугали обывателей, что улицы кругом мгновенно пустели, как только начиналась стрельба.

Город пустел с каждым днем. Бежали все, кто мог пробраться через сражающиеся цепи. А навстречу белогвардейцам со всех сторон к Москве подходили революционные войска. По Московско-Николаевской железной дороге прибывали эшелоны матросов. Центр города был зажат железным кольцом. Матросы в походном снаряжении мелькали всюду. Они сражались с особенным упорством.

С каждым днем артиллерийская стрельба усиливалась. Весь город гудел от выстрелов. В пустых улицах выстрелы перекатывались гулким эхом.

На пятый день появились слухи, что в ночь будет штурм Кремля, и что теперь белогвардейцам не сдобровать. В действительности, в эту ночь начались переговоры о мире.

К Александровскому военному училищу, где были заперты белогвардейцы, никого не пропускали. Здесь стояли цепи матросов и солдат. Белогвардейцев разоружали, переписывали. К вечеру их выпустили, при чем офицеры уходили с револьверами и штыками...—Москва была в руках большевиков.

На улицах Москвы

Из Замоскворечья ночью мы должны были отправиться в В.-Р. Комитет, в центр.

Сажусь на автомобиль вместе с Подбельским и Бричкиной. Нам советуют ехать через Краснохолмский мост. Подъезжаем к Таганке. Наши часовые предупреждают, что на площади работает чужой пулемет, и предлагают ехать переулками. Шофер разгоняет машину, и мы в темноте проносимся прямо через площадь.—Благополучно. Пулемет трещит в стороне. Нас окликает наша застава. Проверка документов, надо показать пропуски. Но тормоз

Взятие Кремля

у автомобиля оказался испорченным, и мы мчимся вниз. По нас открывают стрельбу наши же солдаты. Жуткая минута. И, главное, ничего нельзя сделать. Машина все же с трудом и скрипя останавливается. Подбегает патруль.

— Ваши пропуски!

Суем ворох бумаг. Шофер включает огонь. Бумаги в порядке.

— Что вы, дьяволы, едете, как с цепи сорвались! Или вам жизнь надоела?

Оправдываемся, тормоз, мол, ничего не поделаешь, нельзя. Шофер отказался ехать дальше.

— Видите, машина испорчена.

Пошли пешком. Не успели мы пройти десятка два шагов, нас снова догоняет автомобиль.

Видно у шофера отошло от сердца.

— Садитесь, довезу как-нибудь.

До Красных ворот добрались благополучно. Там мы отпустили машину назад и решили дальше пробираться пешком.

На Сухаревке зашли в городской районный Совет. Несмотря на ночной час, жизнь бьет ключом. Вверх и вниз торопливо бегают люди. Рассказывают о стычке на Лубянке и о том, что Никольская улица уже в наших руках. Очевидным становится, что дни наших врагов сочтены.

Из рассказов о восстании в Москве

I

Приводит парнишка к нам в комитет двух вооруженных до зубов офицеров. Он их взял на Курском вокзале. Парнишка небольшой, за плечами болтается винтовка—больше его роста. Мы разоружаем офицеров. Отбираем у них сабли, из карманов вынимаем револьверы, из боковых карманов—ручные гранаты. Я не могу утерпеть, спрашиваю в присутствии разоруженных офицеров парнишку: „Винтовка твоя заряжена?“

— Нет, товарищ. Вы обещались, а патронов не дали...

Офицеры стоят смущенные, а победитель с пустой, болтающейся за плечами, винтовкой получает браунинг,— он его заслужил...

II

Была у нас и артиллерия. Недалеко от военного Алексеевского училища помещались артиллерийские мастерские (они называются теперь „Мастяжарт"). Там были пушки, довольно много их было, но, чтобы стрелять из пушек и попасть в цель, надо иметь на пушке „прицельную рамку", а то нельзя наводить,—а у нас не было... А нам нужно было взять в первую голову Алексеевское военное училище. Вот стали мы рыть „окопы" около моста через Яузу. Вырыли окопы, подвели пушку и давай стрелять... „Бац"—тут нам кричат... „Попали на Таганке в церковь". Раздаются крики: „Черти, держи левее!" Опять бахнули, опять попали... в завод „Гужон" (теперь называется „Серп и Молот")... Опять крики: „Что вы, черти, своих перестреляете!" Наконец, наловчились. Подвели пушку под самые стены военного училища и давай крыть... Почти всю стену разворотили. А там, за стенами, юнкера, офицеры, генералы—все народ очень понимающий в военном деле... И все-таки сдались.

III

В нашем районе был Курский вокзал. И вот с первых дней восстания начали прибывать к нам подкрепления из разных фабричных мест. Приехали отряды рабочих из Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Коврова и других мест. И прямо с места—в бой.

Высшие железнодорожные служащие были в большинстве случаев против революции. А рабочие и низшие служащие были все за нас. Высшие служащие грозили двинуть против нас войска, а низшие служащие не пропускали военных эшелонов. Целые дни приходилось возиться, какие эшелоны пропускать и какие задерживать.

IV

Нужно было подумать о том, чем кормить город. Помню распоряжения из центра: „Где-то на Воробьевых горах есть много капусты, — посылайте рабочих с мешками за ней“. Как быть? Трамваи перестали ходить. На улицах пальба. Мы отдаем распоряжение по фабрикам и заводам, чтобы свободных рабочих и работниц высылали с мешками. Распоряжение сделать-то сделали, а сами сидим и раздумываем: „Что выйдет? Кто еще послушается?“ И сошло.—Все фабрики и заводы послушались. Мешки достали в кладовых заводских. Раздобыли грузовики и с капустой прикатили с Воробьевки.

Охрана кабинета В. И. Ленина в Смольном

IV

БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД

За работой

(Из воспоминаний Антонова-Овсеенко)

Я подробно докладываю Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного.—Казачья дивизия генерала Краснова. Но угроза серьезна, ибо у нас слабо с артиллерией. У казаков артиллерия превосходна. Действует также с ними сильный бронепоезд. Путиловцы обещали изготовить бронеплощадку с зенитными орудиями, да что-то все их нет.

Ленин выражает нетерпение.

— А вы уверены, что выполнят?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите ли убедиться,—предлагаю я,—можно съездить и подтолкнуть заодно?

Легко соглашается. Мы едем на Путиловский завод.

Пронизывает до костей осенняя сырость. В открытом автомобиле Ильич почти совсем замерз, когда, наконец, мы подкатили к Путиловскому заводу. Завод освещен и гудит трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещение фабрично-заводского комитета. Нам навстречу взлохмаченные, грязные, усталые, но деловые фигуры. Разъясняют, что делается и в чем задержка. Да, за пару дней наворочено столько, сколько за две недели раньше не вырабатывали. На них можно надеяться.

Ильич успокоен.

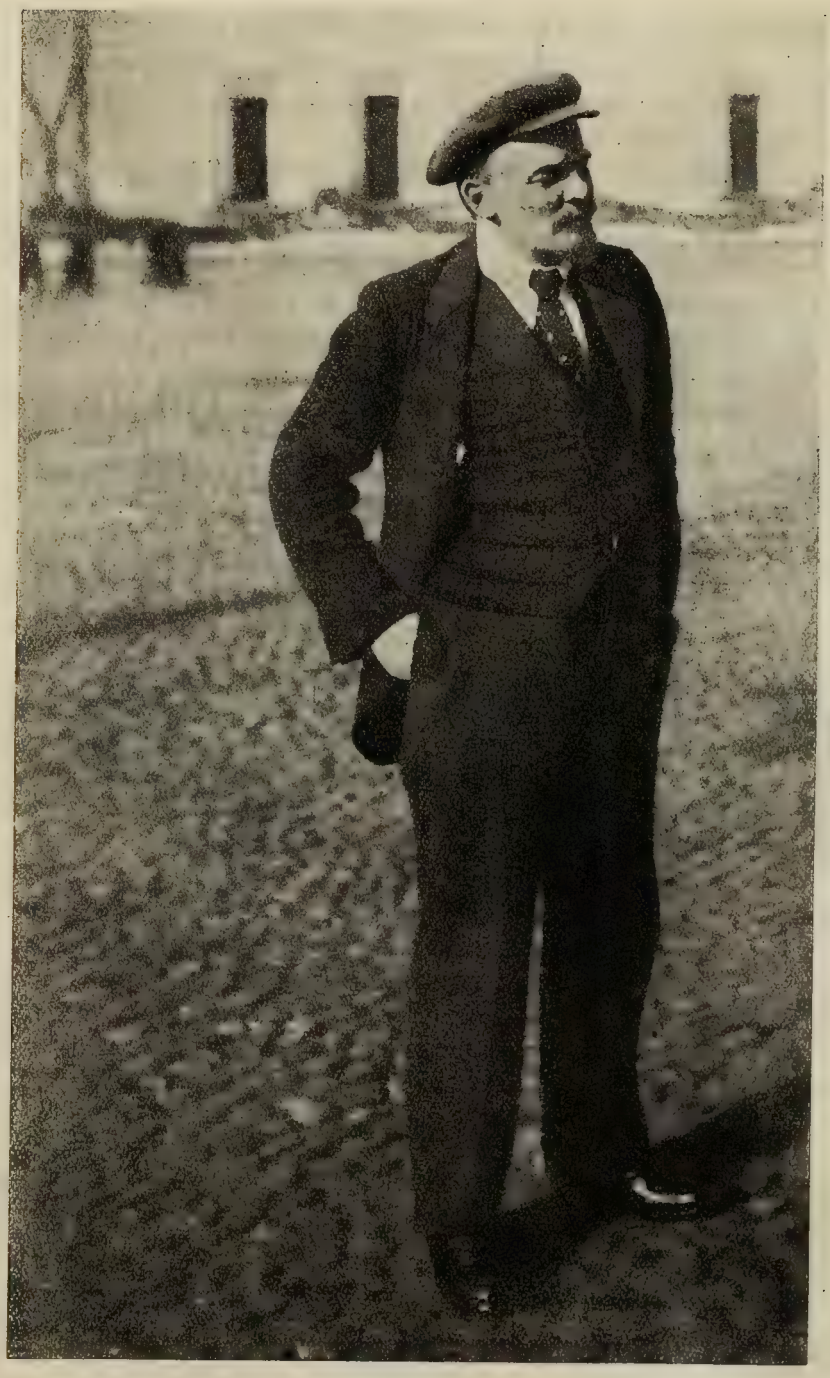
У Нарвских ворот—заставы красногвардейцев. В жалких пальтишках в стужу, но бодрые и уверенные... Что же с этакой силой смогут поделать! Хоть и доморощенные батареи, передвигаемые вручную. И бронепоезд путиловцев насквозь пробивают пули,—но все же будет сломлена сила казачья мужеством питерских рабочих и матросов-балтийцев.

Всех, до последнего человека

(Из воспоминаний Ф. Раскольникова)

Наш автомобиль остановился у штаба военного округа. Несмотря на поздний час, все окна были ярко освещены. В одной из комнат этого обширного дома происходило заседание, на котором было установлено ускорить отправление на фронт рабочих полков.

Едва кончилось заседание, как я был вызван т. Лениным. Владимир Ильич сидел в большой комнате штаба на конце длинного стола, который обычно покрывался зеленым или красным сукном, но сейчас зиял своей грубой деревянной наготой.—Это придавало всей комнате нежилой вид. Кроме Ленина, в этой пустой комнате находился Троцкий. На столе перед Ильичом лежала развернутая карта окрестностей Петербурга.



В. И. Ленин

— Какие суда Балтийского флота вооружены крупнейшей артиллерией?—с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа Петропавловск. Они имеют по двенадцать двенадцати-дюймовых орудий в 52 калибра в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо,—едва выслушав, нетерпеливо продолжал Ильич.—Если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда? Можно ли ввести их в устье Невы?

Я ответил, что, в виду глубокой осадки линейных кораблей и мелководья морского канала, проводка столь крупных судов в Неву невозможна, но линейные корабли могут стать на якорь между Кронштадтом и устьем морского канала.

Т. Ленин не удовлетворился моим ответом и заставил меня все показать на карте. Только после этого он несколько успокоился.

Т. Троцкий в течение беседы не проронил ни одного слова. Печать усталости и бессонных ночей лежала на его лице. Владимир Ильич и Троцкий вышли в коридор и сели на скамейку около телефонной будки, в то время как т. Склянский, по их поручению, разговаривал с кем-то по телефону.

— У вас нет ли чего-нибудь съестного?—неожиданно спросил меня т. Троцкий.

Я вынул из кармана пальто две коробки рыбных консервов, купленных мною на пути из Царского Села. Владимир Ильич и Лев Давыдович стали закусывать с большим аппетитом, выдававшим их долгое воздержание от пищи. Неустанная работа не оставляла им в эти дни времени на еду.

— Позвоните по телефону в Кронштадт,—обратился ко мне т. Ленин, продолжая свой скудный случайный обед,—и сделайте распоряжение о срочном формировании еще одного отряда кронштадцев. Необходимо мобилизовать всех до последнего человека. Положение революции в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим исключительной энергии,—Керенский и его банды нас раздавят.

Моряки на защите революции

I

У Смольного дежурят броневики, самокатчики и пехотные части. Поднимаюсь на второй этаж в комнату т. Подвойского.

— Вы приехали? Вот и хорошо! С вами прибыли отряды матросов? А артиллерия? Сколько? Миноносцы и броненосцы пришли?

Проверка пропусков у автомобилей на улицах

Засыпает целым рядом вопросов.

— Позвольте, т. Подвойский, броненосцев мы и не думали посылать. Я считаю, что судов здесь вполне достаточно.

Три тысячи моряков уже прибыло, в эшелонах следует около 1.500 человек, кроме того, две батареи. К вечеру они прибудут в Петроград.

— Но они нужны немедленно. Наши части оставили Гатчину, Керенский прибыл с войсками с фронта, движется на Царское и Петроград. Поезжайте сейчас же

в Царское, узнайте, что там делается, и немедленно сообщите.

Переговорив с т. Подвойским, ухожу от него, чтобы ехать в Царское. Встречаюсь с Антоновым-Овсеенко. Он едет на Пулковский участок. Решаем ехать пока что вместе. С большим трудом отыскиваем автомобиль. При выезде за город автомобиль ломается. Навстречу несется чей-то частный автомобиль. Останавливаем.

— Вы разрешите в вашем автомобиле доехать до Царского?

— Позвольте, я—итальянский консул!

— Что ж? Дело революционное, спешное.

Несколько поморщившись, консул слезает с автомобиля. Едем на его автомобиле дальше. По дороге в Царское тянется туда и обратно беспрерывная вереница отдельных групп рабочих с винтовками.

II

Бывший полковник растерявшийся разводил в штабе руками, упорно смотрел на карту и бормотал:

— Разрешите доложить, у нас никого не осталось, Все разбегаются, на ночь уходят по домам. Гвардейские полки без сопротивления отступают от Царского. Есть сведения, что часть их сдалась и перешла на сторону Керенского.

Входит военный, бывший офицер, и докладывает, что Царское занято Керенским. В Царское прибыло множество казаков с артиллерией и бронепоездом. Части разбегаются, и Пулково остается беззащитным. Необходимо задержать бегущих, привести их в порядок и установить на ночь хотя бы охранение и наблюдение за Царским, пока не подойдут отряды. Выходим из избы; в тот же момент со стороны Царского начался обстрел Пулкова из артиллерии. Один из снарядов разрушает часть избы, где только что помещался „штаб“. С трудом удается задержать группу уходящих вооруженных рабочих и солдат. Засыпают вопросами: Что же матросы? Скоро ли придут? Уверили их, что матросы сейчас двигаются уже на фронт, и что идет артиллерия. Я возвращаюсь в Смольный

с докладом к т. Подвойскому. Он снова засыпает меня вопросами, делает сразу несколько распоряжений и предлагает немедленно взять артиллерию с Путиловского завода.

Встречаю в Смольном Владимира Ильича. Он очень спокоен. Спрашивает: „Ну, как дела на фронте?“ Сообщаю ему о положении и заявляю:

— Я еду в Центрофлот, немедленно двину матросские отряды, в противном случае Керенский будет в Петрограде.

Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобряет мое предложение. Ухожу.

В течение ночи удается направить два отряда моряков к Пулкову. Прибывшую из Финляндии артиллерию выгружают, и к вечеру артиллерия в Пулкове.

30 октября атаки казаков разбились о стойкое сопротивление моряков. Отразив атаки, моряки сами перешли в наступление и бросились в штыки на бронепоезд.

В 11 часов вечера в Царское из Гатчины, без ведома Керенского и Краснова, прибыла делегация от казаков в числе трех человек (один офицер и два казака) с предложением вступить с ними в переговоры.

Кронштадские батареи на службе революции

(Из воспоминаний Ф. Раскольникова)

29 октября ко мне явился молодой подпоручик и отрекомендовался представителем отряда, только что прибывшего с кронштадского фронта Ино. Это был один из тех отрядов, прибытия которых я ожидал с таким огромным нетерпением. Я, вместе с офицером, устремился к отряду на вокзал. Уже сгущались сумерки, когда среди вагонов, на одном из запасных путей мы разыскали долгожданный отряд.

На открытых платформах выделялись поднятые к небу дула орудий. Оказывается, товарищи привезли с собой две трехдюймовых полевых батареи, т.-е. целых восемь орудий. Какая радость! Комиссаром отряда был молодой,

но толковый солдат крепостной артиллерии. Я заявил, что поеду вместе с отрядом на фронт, и распорядился, чтобы эшелон был перекинут на Московско-Виндаво-Рыбинскую железную дорогу. Долгое время нам не подавали паровоза. Наконец, поздно вечером паровоз прицепили, и мы поехали.

Ночью эшелон прибыл на пересечение соединительной ветки с линией, ведущей в Царское Село. За окнами еще стояла густая тьма. Выйдя из вагона, мы направились в партийный районный комитет. Несмотря на ранний час, так как дело происходило перед рассветом, в райкоме шла оживленнейшая работа. Почти весь райком был на ногах. Здесь распределялось оружие, выдавались патроны, формировались красногвардейские части, отдавались распоряжения. Мы узнали, что на фронте — без перемен. Красновские казаки продолжали занимать Царское. Прибытие орудий сильно подняло настроение товарищей из райкома. На грузовике я отправился в Пулково за боевым приказом.

Дорога была грязная, скользкая; липкие комья земли разлетались из-под колес автомобиля. Рассвет нас застал уже в пути. Полевой штаб помещался в одноэтажном деревянном доме; внутри на полу, лежали, подостлав под голову шинели и полушубки, солдаты и красногвардейцы, около них стояли прислоненные к стене винтовки. Перешагнув через целую вереницу спящих тел, мы подошли к деревянному столу, на котором коптела убогая керосиновая лампа и беспорядочно были разбросаны объедки черного хлеба, — остатки скудного, наспех проглоченного ужина. Здесь от начальника штаба мы получили боевой приказ об установке орудий на Пулковских высотах. Снова усевшись на автомобиль, двинулись обратно.

31-го, ранним утром, батареям форта Ино пришлось отбивать атаки неприятельской кавалерии. Красновским казакам не только не удалось захватить наших позиций, но они, вообще, не продвинулись ни на шаг и с потерями отступили.

В Гатчине

(Из воспоминаний белогвардейского генерала Краснова)

Офицеры сбились в одну комнату, спали на полу, не раздеваясь, казаки, не расставаясь с ружьями, лежали в коридорах. И уже не верили друг другу. Казаки карау-

П. Е. Дыбенко (вправо) с матросами в Гатчине

лили офицеров, офицеры надеялись на меня и не верили, и ненавидели Керенского.

Утром 1 ноября вернулись переговорщики и с ними толпа матросов. Наше примирение было принято, подписано представителем матросов Дыбенко, который и сам пожаловал к нам. Громадного роста, красавец мужчина с вьющимися черными кудрями, черными усами и юной бородкой, с большими глазами, белолицый, румяный, заразительно веселый, сверкающий белыми зубами, с готовой шуткой на смеющихся губах, физически силач — он очаровал в несколько часов не только казаков, но и многих офицеров.

Керенский просил, чтобы казачий караул у его дверей был заменен караулом от юнкеров.

— Ваши казаки предадут меня, — с огорчением сказал он.

— Раньше они предадут меня, — сказал я и приказал снять казачьи посты от дверей квартиры Керенского.

В три часа дня ко мне ворвался комитет 9-го Донского полка с войсковым старшиною Лаврухиным. Казаки требовали немедленно выдачи Керенского, которого они сами под своей охраной отведут в Смольный.

— Ничего ему не будет. Мы волоса на его голове не позволим тронуть.

— Мы поставим свой караул к нему, чтобы он не убежал. Мы выберем верных людей, которым мы доверяем, — кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказал я.

Когда они вышли, я прошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным, в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного входа.

Выйдя от Керенского, я через надежных казаков устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было.—Он бежал.

Казаки кинулись ко мне. Они были страшно возбуждены против меня. Раздавались голоса о моем аресте, о том, что я предал их, дав возможность бежать Керенскому.

Но тут произошло новое событие, которое совершенно все перевернуло. К Гатчинскому дворцу в стройном порядке, сверкая штыками, подходила густая колонна солдат. Она тянулась далеко по дороге, идущей к Петрограду. Люди были отлично одеты; на всех взводах шли офицеры. Это шел Финляндский полк. Он стал выстраиваться в развернутую колонну против дворца. Казаки оставили меня и разбежались куда попало. Я остался один. Офицеры штаба находились все вместе в соседней комнате.

— Что сей сон обозначает? — подумал я, — уж не помощь ли это пришла к нам?

Я пошел взглянуть, что происходит. Неужели действительно помощь? Но за финляндцами шли матросы, за матросами Красная гвардия. В окна сколько было видно, все было черно от черных шинелей матросов и пальто красной гвардии. Тысяч двадцать народа заполнило Гатчину, и в их массе совершенно растворились казаки.

Бегство Керенского

(Из воспоминаний П. Е. Дыбенко)

I

В два часа ночи 1 ноября в санитарном автомобиле, по грязной дороге, без освещения, пробираемся к Гатчине. По пути к Гатчине нас останавливают казачьи заставы. После переговоров с казачьим офицером пропускают. Около $3^1/_2$ часов ночи приезжаем в Гатчину ко дворцу.

В этот момент подходит группа казаков и приглашает к себе в казармы. Я обращаюсь к ним с вопросом:

— Керенский здесь?

— Да.

— Я требую, чтобы немедленно был приставлен к нему надлежащий караул.

Казачий офицер из делегации остался у дворца с целью усилить караул за Керенским. Прихожу в казачьи казармы. Среди казаков много офицеров и юнкеров. Рассказываю им о перевороте,—о том, что Временное правительство низложено, и что попытка Керенского снова захватить власть—бессмысленна и обречена на неудачу.

— Керенский снова пытается вас, казаков, превратить в жандармов и возбудить к вам всеобщую народную ненависть.

Через час казармы не вмещают собравшихся казаков и юнкеров. К 8 часам утра митинг закончен. Казаки теперь согласны немедленно арестовать Керенского, но

для этого необходимо сначала переговорить с их комитетом.

С митинга направляюсь во дворец в сопровождении матроса Трушина.

Долго убеждаю Совет в необходимости немедленно арестовать Керенского, указываю, что скоро 12 часов на исходе, что я отпущен моряками до определенного срока, после чего моряки начнут обстрел Гатчины и наступление. В это время Керенский помещался всего через одну комнату от зала заседания.

Следивший за ходом переговоров, он не нашел мужества в последний момент появиться среди казаков и заявить, что он готов погибнуть на своем посту. Переодевшись женщиной, он позорно бежал, покидая казаков. Матрос Трушин поспешно сообщил:

— Керенский, переодевшись женщиной, прошел через двор!

Пусть. Его бегство — это его политическая смерть.

Казаки, направившиеся арестовать Керенского, вернулись и доложили, что Керенский бежал. Возмущение бегством Керенского было громадно; казаки и юнкера тут же послали всем, всем, всем телеграмму: „Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать, как труса и предателя. Казачий совет 3-го корпуса".

II

Вскоре после того в Гатчину вступили Финляндский полк и отряд моряков, а через два часа юнкера и казаки были обезоружены. Оставался еще генерал Краснов, надо было и его арестовать. В $6^1/_2$ часов вечера вместе с командиром Финляндского полка мы вошли в кабинет Краснова. При нашем появлении генерал Краснов поднялся нам навстречу.

— Генерал Краснов, именем Совета Народных Комиссаров вы и ваш адъютант арестованы.

— Вы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас немедленно отправим в Петроград.

— Слушаюсь.

Тут же были арестованы и два адъютанта Керенского. Арестованный генерал Краснов в автомобиле был отправлен в Смольный.

Победа

(Из книги Джона Рида „10 дней, которые потрясли мир")

Я вернулся в Петроград, сидя на переднем месте грузовика, управляемого рабочим и перегруженного красногвардейцами. У нас не было керосина, и поэтому мы ехали без огней. Дорога была запружена пролетарской армией, возвращающейся домой, и новыми резервами, замещавшими их на передовых позициях. Огромные грузовики, в роде нашего, колонны артиллерии, телеги внезапно выплывали из ночи без огня, подобно нам. Мы бешено мчались вперед, резко сворачивая направо и налево.

По горизонту расстилались отблески огней столицы,— неизмеримо более великолепной ночью, чем днем,— подобно груде драгоценностей, рассыпанных на пустынной долине.

Старик рабочий, который управлял машиной, положил на рулевое колесо одну руку, а другой провел перед собою, указывая своим жестом на блестевшую вдали столицу.

— Мой! — воскликнул он с горящим лицом. — Весь мой теперь. Мой Петроград!..

V

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Первые шаги

(Из воспоминаний И. Сталина)

Первые дни после Октябрьской революции Совет Народных Комиссаров пытался заставить главнокомандующего Духонина открыть переговоры с немцами о перемирии. Ленин, Крыленко и я отправились в Главный Штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. В самом Питере назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторого раздумья у провода, лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. „Пойдем на радиостанцию,—сказал Ленин,—она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим т. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом—окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки".

Ленин не боялся это сделать; он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, он знал, что такой способ

КЪ ГРАЖДАНАМЪ РОССІИ!

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Военно-Революціонный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Извещение Военно-Революционного Комитета о совершившемся перевороте

утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах. И он не ошибся.

Первые дни после победы

(Из воспоминаний моряка)

I

Петроград, в вечерней мгле, окутанный серым туманом, казался пустынным и мертвым. Вот уже больше недели, как в городе Советская власть. Но на улицах, несмотря на ранний час (9 часов вечера), тишина. Жизнь замерла. Только изредка пробегают автомобили, встречаются патрули, и отдельные часовые греются у разложенных на улицах костров, останавливая автомобиль и проверяя пропуск.

Еще несколько дней назад в городе все жило, как на вулкане. Безостановочно, днем и ночью, проходили войска, отдельные отряды, броневые автомобили. Улицы были переполнены народом. Все ждали исхода борьбы.

Проскакиваю Невский, подъезжаю к Адмиралтейству. Здесь, в ярко-освещенном зале, идет заседание Центрофлота; состав—почти исключительно матросы. Очутившись у власти, они, невзирая на усталость, на свою неподготовленность управлять государственной машиной, силятся превозмочь все трудности. Они не боятся бурь на своем пути. Они свалили контр-революцию, они же и построят новую жизнь. Уверенно берутся за дело.

Далеко за полночь длится заседание. Работа распределена; завтра, с раннего утра, каждый вступит в исполнение своих обязанностей.

II

Один за другим к Смольному подкатывают автомобили. Одиночные пассажиры торопливо выскакивают и на-ходу показывают пропуск часовым; они спешат подняться на второй этаж. Сегодня важное заседание Совета

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, постановляетъ:

Образовать для управленія страной, впредь до созыва Учредительнаго Собранія, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будетъ именоваться Совѣтомъ Народныхъ комиссаровъ. Зовѣдываніе отдѣльными отраслями государственной жизни поручается комиссіямъ, составъ которыхъ долженъ обезпечить проведеніе въ жизнь провозглашенной Съѣздъ программы, въ тѣсномъ единеніи съ массовыми организаціями рабочихъ, рабочницъ, матросовъ, солдатъ, крестьянъ и служащихъ. Правительственная власть принадлежитъ коллегіи председателей этихъ комиссій, т. е. Совѣту Народныхъ комиссаровъ.

Контроль надъ дѣятельностью народныхъ комиссаровъ и право смѣщенія ихъ принадлежитъ Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и его Центральн. Исп. Комитету.

Въ настоящій моментъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ составляется изъ слѣдующихъ лицъ:

Председатель Совѣта—**Владиміръ Ульяновъ (Ленинъ);**

Народный Комиссаръ по внутреннимъ дѣламъ—**А. И. Рыковъ;**

Земледѣлія—**В. П. Милютинъ;**

Труда—**А. Г. Шляпниковъ;**

По дѣламъ военнымъ и морскимъ-комитетъ въ составѣ: **В. А. Овсѣенко (Антоновъ), Н. В. Крыленко** и **Ф. М. Дыбенко;**

По дѣламъ Торговли и Промышленности—**В. П. Ногинъ;**

Народнаго Просвѣщенія—**А. В. Луначарскій;**

Финансовъ—**И. И. Скворцовъ (Степановъ);**

По дѣламъ иностраннымъ—**Л. Д. Бронштейнъ (Троцкій);**

Юстиціи—**Г. И. Ошпоковъ (Ломовъ);**

По дѣламъ продовольствія—**И. А. Теодоровичъ;**

Почтъ и телеграфовъ—**Н. П. Авиловъ (Глѣбовъ);**

Председателемъ по дѣламъ національностей **І. В. Джугашвили (Сталинъ).**

Постъ Народнаго Комиссара по дѣламъ желѣзнодорожнымъ временно остается незамѣщеннымъ.

Декрет об образовании Совнаркома

Народных Комиссаров. При въезде в Смольный дежурят броневики и латышский полк.

Поднимаюсь на второй этаж. С трудом разыскиваю комнату заседания Совета Народных Комиссаров. Маленькая, плохо освещенная комнатка еле вмещает всех народных комиссаров. Некоторые горячо доказывают невозможность удержать власть без меньшевиков.

— Нужно сегодня же решить вопрос и начать переговоры с меньшевиками.

За столиком, в стороне, опершись на руки, сидит Владимир Ильич, спокойный, с иронической улыбкой.

Вдруг он встает и говорит просто, кратко и твердо:

— Ну, дальше, дальше! Вы испугались революции. Вы боитесь, что не удержите ее. Рабочий и солдат ее начал, он ее и удержит. Я лучше останусь с двадцатью стойкими, чем с тысячами нерешительных.

И Ленин неожиданно покидает комнату. На минуту воцаряется тишина.

На второй день уже всем было известно, что точка зрения Владимира Ильича победила. Владимир Ильич умением глядеть в будущее спас Октябрьскую революцию.

Закон о земле

(Из воспоминаний В. Бонч-Бруевича)

Расскажу о том, как Владимир Ильич писал законы о мире, земле и т. д. Меня поражала необычайная выносливость, с которой ему приходилось переносить в Смольном страшную усталость, когда он, прокравшись, бывало, домой и немножко поужинавши и прилегши, вставал снова в 3 часа ночи, зажигал огонь и писал эти законы, черновики которых сохранились. Я помню, когда он написал закон о земле, который был принят на съезде, утром он встал и говорит: „Если успеем объявить этот закон, то пусть кто-нибудь попробует взять его обратно!“

ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

Съѣзда Совѣтовъ Рабоч. и Солдат. Депутатовъ.

(Принятъ на засѣданіе 26-го октября въ 2 часа ночи).

1) Помѣщичья собственность на землю отмѣняется немедленно безъ всякаго выкупа.

2) Помѣщичьи имѣнія, равно какъ всѣ земли удѣльныя, монастырскія, церковныя со всѣмъ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, усадебными постройками и всѣми принадлежностями переходятъ въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ Комитетовъ и уѣздныхъ Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ впредь до Учредительнаго Собранія.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемаго имущества, принадлежащаго отнынѣ всѣму народу, объявляется тяжкимъ преступленіемъ, караемымъ революціоннымъ судомъ. Уѣздные Совѣты Крестьянскихъ Депутатовъ принимаютъ всѣ необходимыя мѣры для соблюденія строжайшаго порядка при конфискаціи помѣщичьихъ имѣній, для опредѣленія того, до какого размѣра участки и какіе именно подлежатъ конфискаціи для составленія точной описи всего конфискуемаго имущества и для строжайшей революціонной охраны всего переходящаго къ народу хозяйства на землѣ со всѣми постройками, орудіями, скотомъ, запасами продуктовъ и проч.

4) Для руководства по осуществленію великихъ земельныхъ преобразованій впредь до окончательнаго ихъ рѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ долженъ повсюду служить слѣдующій крестьянскій наказъ, составленный на основаніи 242 мѣстныхъ крестьянскихъ наказовъ редакціей «Извѣстія Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ» и опубликованный въ номерѣ 88 этихъ «Извѣстій» (Петроградъ, номеръ 88, 19 августа 1917 г.).

О землѣ.

Вопросъ о землѣ можетъ быть разрѣшенъ только всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Самое справедливое разрѣшеніе земельнаго вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отмѣняется навсегда; земля не можетъ быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема въ аренду либо въ залогъ, ни какимъ либо другимъ способомъ отчуждаема. Вся земли: государственная, удѣльная, кабинетская, монастырская, церковная, поссессіонная, майоратная, частновладѣльческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояніе и переходитъ въ пользованіе всѣхъ трудящихся на ней.

За пострадавшими отъ имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ существованія.

2) Всѣ нѣдра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное значеніе переходятъ въ исключительное пользованіе государства. Всѣ мелкіе рѣки, озера, лѣса и проч. переходятъ въ пользованіе общинъ, при условіи завѣдыванія ими мѣстными органами самоуправленія.

Первый декрет о земле

Аппарат государства

(Из воспоминаний Л. Троцкого)

Овладевание аппаратом давалось с большим трудом. Первое внимание было обращено на банки, потом на государственное казначейство. В банках, кроме 1—2 человек, никого не было; потом стали арестовывать, приводить и, наконец, выяснилось, что чиновники не прочь работать, но боялись, что скажут другие. А поэтому говорят, что если приведут двух красногвардейцев, то будут работать. Если придут и увидят, что работаем под охраной, то значит ничего, насильно привели. Первая задача была выполнена: получение 5 миллионов. Далее предстояла задача овладения всеми деньгами и департаментом государственного казначейства.

Продовольствие

(Из воспоминаний П. Козьмина)

Утром 26-го, когда почти сформировалось наше новое правительство, мы должны были приступить к работе. На очереди стоял вопрос о продовольствии. Нам необходимо было взять в свои руки продовольственную управу, так как дать продовольствие петербургским рабочим и гарнизону было важным требованием момента.

Взяв человек пять красногвардейцев, я вошел в правление прод. управы и сказал, что мы пришли налаживать продовольственное дело. Я, конечно, был встречен самым яростным негодованием: ругали нас и отказывались не только какие бы то ни было дела передавать, но даже пускать в учреждение. Тем не менее, я остался. Красногвардейцы стояли внизу у входа и без моей визы никого не впускали. Из правления, из помещения президиума меня выставили. Я пошел в отдел производства и сидел там. Продовольственная управа стала обращаться ко мне за пропусками.

Вскоре после этого явился т. Владимиров и сказал мне:—„Вы очень круто нажимаете, нужно постепенно,

предоставьте это мне". Я охотно оставил т. Владимирова и отправился в Смольный и сейчас же получил распоряжение отправиться на мельничные склады и посмотреть, существует ли охрана на мельницах. — Это были наши первые продовольственные шаги.

Комиссариат

(Из воспоминаний С. Пестковского)

— Т. Сталин, — сказал я, — вы народный комиссар по делам национальностей?

— Я.

— А комиссариат у вас есть?

— Нет.

— Ну, так я вам „сделаю" комиссариат.

— Хорошо. Что вам для этого нужно?

— Пок только мандат на предмет „оказывания содействия".

— Ладно.

Не любящий тратить лишних слов, Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом. Получив мандат, я стал рыскать по Смольному, высматривая место для Наркомнаца.

Задача была нелегкая, везде было тесно.

Наконец, я набрел на какую-то большую комнату, где при одном столике заседали: комиссия по вещевому снабжению Красной гвардии, а при другом—выдавались разрешения на право ношения оружия. Здесь я вдруг наткнулся на моего товарища по каторге, впоследствии погибшего на Западном фронте, т. Феликса Сенюту.

— Ты что тут делаешь?—спросил я.

— Работаю по вещевому снабжению Красной гвардии.

— Переходи к нам, в Народный Комиссариат национальностей.

— Хорошо.

— Можно ли устроиться нам в этой комнате?

— Конечно, можно.

Тут мы нашли какой-то свободный столик и поставили его у стены. Затем Сенюта взял большой лист бумаги и, начертав на нем: „Народный Комиссариат по Делам Национальностей“, прикрепил к стене над столиком. Достали два стула.

— Готов комиссариат!—воскликнул я.

И сейчас же пустился обратно в кабинет Ильича, где, за неимением собственного кабинета, пребывал Сталин.

— Т. Сталин, — сказал я, — идите посмотреть ваш комиссариат.

Невозмутимый Сталин даже не удивился такому быстрому „устройству“ и зашагал за мной по коридору, пока мы не пришли в „комиссариат“.

Здесь я отрекомендовал ему т. Сенюту, назвав его „заведующим канцелярией“ Наркомнаца.

Сталин согласился, окинул взглядом „комиссариат“ и издал какой-то неопределенный звук, выражающий не то одобрение, не то недовольство, и направился обратно в кабинет Ильича.

Я отправился в город, заказал бланки и печати. Уплатив за бланки и печать, я израсходовал все мои деньги и деньги т. Сенюты.

Решился итти к Сталину.

— Т. Сталин, — сказал я, — денег ни гроша у нас нет.

— Много ли нужно?—спросил Сталин.

— Для начала хватит тысячи рублей.

— Придите через час.

Когда я явился через час, Сталин велел мне „сделать заем“ у Троцкого на три тысячи рублей.

— У него деньги есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел.

Я пошел к Троцкому, дал ему форменную расписку на три тысячи рублей и получил их.

Как начали работу комиссариаты

(Из воспоминаний П. Козьмина)

Шлихтер был назначен заместителем наркома продовольствия. Еще накануне этого я решил, в ожидании, пока товарищи раскачаются, взять в свои руки одну часть министерства продовольствия—отдел с.-х. машиностроения; комиссаром этого отдела я был назначен еще 5 октября.

Нужно было бросить в деревню сельскохозяйственные машины, нужно было принять меры, чтобы не остановился аппарат по производству их. Надо было получить из Швеции и Финляндии эти машины.

Ходя из подотдела в подотдел с красногвардейцем, я предлагал заведующим или остаться и взяться за работу, или сдать дела. Получив от них решительный отказ оставаться, я предложил им очистить помещение.

Вечером я пришел в Смольный. Там сидят Якубов, Калинин и Мануильский. Я говорю им, что у нас имеется теперь шикарное помещение. На другой же день мы переехали туда. Нас было человек 5—6. Помещение было довольно просторное, весь трехэтажный дом был очищен. Помню, как в директорском кабинете мы с М. И. Калининым, вскрыв ящики, нашли несколько кусков сахару и стали пить чай. Все, что было в Смольном, перетащили сюда и обсуждали, как быть.

Вскоре после этого, т. Шлихтер был назначен заместителем комиссара продовольствия.

На 20 ноября мы назначили „прием“ министерства. Я, Шлихтер, Якубов и человек 15 красногвардейцев, которых мы расставили у всех входов Аничкова дворца, явились в министерский кабинет и застали там одного из товарищей министра. Мы пригласили комиссаров прежнего Совета.

Шлихтер обошел отделы и торжественно заявил сотрудникам:

— Именем Совета Народных Комиссаров предлагаю вам подчиниться Рабоче-Крестьянскому правительству и исполнять свои обязанности под нашим руководством.

Ответом на это было полное молчание. — Желаете остаться или нет?—Нет.—И все выходят.

Мы отдали приказ красногвардейцам не выпускать сотрудников с какими бы то ни было вещами; только в том случае выпускать с портфелями, если они являются их собственностью, при чем нужно было осматривать, есть ли в них министерские дела, и если есть, то вытряхивать их. Насколько это было исполнено, трудно сказать, потому что красногвардейцы плохо разбирались, какие свои портфели, какие нет. Так мы взяли министерство продовольствия.

Борьба с нарушителями порядка

(Из воспоминаний В. Бонч-Бруевича)

Мне поручили интендантскую часть по доставке продуктов на фронт. Интенданты отказались давать продукты. Я сделал распоряжение арестовать как старшего интенданта, так и 4—5 главных заведующих, и на их места назначил небольших людей из солдат. Старший интендант дал подписку, что будет доставлять продукты, на которые будет поступать приказ из Смольного. Через три дня все чиновники покаялись и сказали, что будут работать, и мы их выпустили. Но первого же чиновника, когда они вышли на улицу, убила на улице толпа, за его вид, за его погоны. Это была жертва случайная, но это отразило настроение массы.

Числа 2—3 ноября начались пьяные погромы в Петрограде, но довольно значительные. Ко мне пришли рабочие какого-то района и заявляют, что у них разбивают погреб и среди погромщиков есть явные провокаторы, которые раздают книги. Я пошел в исполком, доложил и товарищей с собой захватил, чтобы они рассказали.—Это был уже не первый случай. Я предложил организовать особый комитет. Был назначен целый ряд лиц, и мне было лично предложено немедленно приступить к исполнению этих обязанностей. За несколько часов со всех сторон стали приходить сведения, что это серьезное движение, черносотенное или контр-револю-

ционное. Рабочие стали приводить невероятное количество бандитов. Мы сажали их в Петропавловскую крепость, в Кресты; многие из них были с окровавленным оружием. Один человек занимался тем, что на Садовой колол людей, при чем старался попасть в печенку.

Рабочие допрашивали бандитов так искусно, что помню, как один поддался и сказал: „Нет, я не могу, я должен сказать всю правду". И он стал на колени и начал рассказывать перед всеми собравшимися, что у них организована фальшивомонетная мастерская. Рассказал все, что у них было сделано, просил, чтобы рассудили рабочие, так как он не может молчать.

Суд

(Из воспоминаний Козловского)

Пришлось создавать суды. И мы создали Рев. Трибунал. Трибунал открыл действие во дворце Николая Николаевича, в мрачном здании, где не было окон. Первое дело, которое слушал Трибунал, было дело Паниной. Открывать свою работу Трибуналу было очень трудно. Обстановка была враждебная; зал был наполнен адвокатами и публикой, которая старалась сорвать заседание. Публика выскакивала за стол судей, приходилось закрывать заседание, выводить публику. Панина обвинялась в том, что она присвоила казенные деньги, унесла их в количестве 150.000, чтобы они не достались нам. Она приговаривалась к содержанию под арестом до тех пор, пока не внесет этих денег. Так начал свою работу Трибунал. Потом в Питере начали возникать суды. Первый суд возник на Выборгской стороне; наиболее передовые рабочие создали его. Приговоры получались довольно правильные, и такой суд просуществовал около двух месяцев. Затем стали возникать суды по плану, из делегатов Петербургского Совета, с народными заседателями, по спискам фабрично-заводских комитетов.

Разгон Учредительного собрания

(Из воспоминаний П. Е. Дыбенко)

Наступила суровая зима. Ее морозы не сломили упорства одних, не охладили пыла других. Одну за другой одерживала Советская власть победы над белогвардейщиной. Выбитые из колеи, потерявшие опору в массах, меньшевики и эс-эры жили упованием на Учредительное собрание.

Накануне открытия учредилки прибывает в Петроград отряд моряков. Как и в Октябрьские дни, флот пришел защищать Советскую власть.

17-го января. С раннего утра, пока обыватель еще мирно спал, на главных улицах Петрограда заняли свои посты верные часовые Советской власти—отряды моряков. Им дан был строгий приказ: следить за порядком в городе... Начальники отрядов—все боевые, испытанные еще в июле и Октябре товарищи. Виктор Железняков со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец—само Учредительное собрание.

На автомобиле объезжаю все караулы. К углу Литейного подошла довольно внушительная демонстрация, требовала пропустить ее к Таврическому Дворцу. Матросы не пропускали.

Открывается Учредительное собрание.

Президиум выбран, Чернов в полуторачасовой речи излил все горести и обиды, нанесенные большевиками. Выступают и другие живые тени канувшего в вечность Временного правительства. Около часа ночи большевики покидают Учредительное собрание. Левые эс-эры еще остаются.

В одной из отдаленных от зала заседания комнат Таврического дворца находятся Ленин и несколько других товарищей. Принято решение: на следующий день никого из членов учредилки в Таврический дворец не пропускать и тем самым считать Учредительное собрание распущенным.

Около двух с половиною часов ночи зал собрания покидают и левые эс-эры. В этот момент ко мне подхо-

дит т. Железняков и докладывает: „Матросы устали, хотят спать, как быть?“

Я отдал приказ разогнать Учредительное собрание, после того как из Таврического уйдут народные комиссары.

Железняков только этого и ждал. Без шума, спокойно и просто он подошел к председателю Учредилки Чернову, положил ему руку на плечо и заявил, что, в виду того, что караул устал, он предлагает собранию разойтись по домам.

„Живые силы страны“ без малейшего сопротивления быстро испарились.

Так закончил свое существование бесславный всероссийский парламент.—Ему не удалось помешать укреплению власти Советов.

СОДЕРЖАНИЕ

I. От Февраля к Октябрю.

Стр.

Из писем с фронта, по статье Е. Ромас 3
На фронте, по роману А. Веселого 5
Братание на фронте, по роману Арт. Веселого 6
В деревне, из воспоминаний солдата. 7
Деревня, из книги А. Вильямса 8
Приезд В. И Ленина, из воспоминаний Г. Зиновьева 9
Из открытого письма В. И. Ленина к крестьянам 11
Матрос Дыбенко у Ленина, из воспоминаний Дыбенко 12
Демонстрация, из воспоминаний рабочего 13
Вся власть Советам, по воспоминаниям 14
Петроград в июле, из книги А. Вильямса 16
Первая попытка взять власть, из воспоминаний рабочего 18
„Селянский министр", из воспоминаний А. Вильямса 20
Разгул охранителей, из воспоминаний рабочего 21
Что теперь делать?—из воспоминаний В. Бонч-Бруевича 22
Июльские дни, из статьи А. Луначарского 22
В. И. Ленин скрывается, из воспоминаний С. Аллилуева 23
Как скрывался Ленин, из воспоминаний А. Шотмана 24
Поход Корнилова на Петроград, из книги А. Вильямса 29
Что писала буржуазия в своих газетах в сентябре 30
Что писал Ленин в сентябре 1917 г. 30
Петроград в Октябре, из кн. Дж. Рида 32
Митинг, из воспоминаний П. Дыбенко 32
Решение, из воспоминаний А. Шляпникова 34
Совещание партии, из воспоминаний В. Яковлевой 36

II. Октябрь в Петрограде.

Смольный, из кн. А. Вильямса 37
Съезд Советов собирается, из кн. Дж. Рида 38
Военно-Революционный Комитет, из воспоминанний Садовского 39
Нельзя медлить, из воспоминаний Антонова-Овсеенко 40
Надвигалась решительная минута, из кн. Л. Троцкого 42
На телеграфе, из воспоминаний С. Пестковского 45
Накануне, по очерку С. Борисова 47
Клятва, по С. Кравцову 48
Утро, из кн. Дж. Рида 49
На улицах Петрограда, из кн. Дж. Рида 49

Стр.

В главном штабе Временного правительства, из воспоминаний П. Малянтовича 52
В Зимнем, по С. Кравцову 53
Перед наступлением во дворце, из кн. Дж. Рида 54
Около Зимнего дворца, по В. Каверину 57
Балтийский флот в Октябрьские дни, из воспоминаний П. Дыбенко . . 57
Революционный Кронштадт, из воспоминаний И. Флеровского . . . 59
На улицах Петрограда, по В. Каверину 61
Ультиматум 62
Аврора, из воспоминаний И. Флеровского 63
Заговорила Петропавловка, из воспоминаний Антонова-Овсеенко. 64
Восстание, из воспоминаний М. Лашевича 66
Последние часы Временного правительства, по очерку С. Борисова . . 67
Штурм Зимнего дворца, по В. Каверину 68
Из записок бывшего министра Временного Правительства, П. Малянтовича 70
Из воспоминаний Н. Подвойского 74
На Съезде Советов, из воспоминаний Л. Троцкого 75
Смольный в дни борьбы, из воспоминаний А. Шляпникова 76
Похоронный марш, из воспоминаний Л. Троцкого 77
Речь, по С. Кравцову 77
На Съезде Советов, по С. Кравцову 78

III. Октябрьские дни в Москве.

В Московском Совете, из воспоминаний В. Соловьева 79
В Кремле, из воспоминаний солдата 80
Борьба в Москве, из воспоминаний Л. Аросева 84
Москва в Октябре, по очерку А. Яковлева 86
На улицах Москвы, из воспоминаний В. Соловьева 90
Из рассказов о восстании в Москве, по А. Мандельштаму 92

IV. Борьба за Петроград.

За работой, из воспоминаний Антонова-Овсеенко 95
Всех, до последнего человека, из воспоминаний Ф. Раскольникова . . 96
Моряки на защите революции, из воспоминаний П. Дыбенко 99
Кронштадтские батареи на службе революции, из воспоминаний Ф. Раскольникова 101
В Гатчине, из воспоминаний П. Краснова 103
Бегство Керенского, из воспоминаний П. Дыбенко 105
Победа. Из кн. Дж. Рида 107

V. Первые шаги Советской власти.

Первые шаги, из воспоминаний И. Сталина 108
Первые дни после победы, из воспоминаний П. Дыбенко 110
Закон о земле, из воспоминаний В. Бонч-Бруевича 112
Аппарат государства, из воспоминаний Л. Троцкого 114
Продовольствие, из воспоминаний П. Козьмина 114
Комиссариат, из воспоминаний С. Пестковского 115
Как начали работу комиссариаты, из воспоминаний П. Козьмина . . . 117
Борьба с нарушителями порядка, из воспоминаний В. Бонч-Бруевича. 118
Суд, из воспоминаний Козловского 119
Разгон Учредительного собрания, из воспоминаний П. Дыбенко . . . 120

Цена 80 коп.

31563 2215